

Л. Р. Дускаева

Стилистика медиатекста

Избранные статьи 2010-2012 гг.

(электронный сборник)

Санкт-Петербург

2012

Содержание

<i>Дускаева Л.Р. , Реймер С.Н. Музыка в газетном тексте / Мир русской речи. 2010, № 6. - С. 48-52.....</i>	<i>3</i>
<i>Дускаева Л.Р. Стереотипы речевого поведения в блогосфере сообществ /Управленческое консультирование. 2011, № 2. - С. 183-188.....</i>	<i>14</i>
<i>Дускаева Л.Р., Корнилова Н.А. Фатика в медиатексте как форма реализации развлекательной функции / Гуманитарный вектор. 2011. № 4. - С. 67-71.....</i>	<i>21</i>
<i>Дускаева Л.Р. Отражение политической жизни в прессе: аспект речевых жанров /Когниции. Дискурс. 2012. № 4. - С. 24-41.....</i>	<i>34</i>
<i>Дускаева Л.Р. Выражение эстетической оценочности в газетном дискурсе / Медиаскоп. 2011. Вып. 1 (электронная публикация: http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/401).....</i>	<i>60</i>
<i>Дускаева Л.Р. Медиастилистика в России: традиции и перспективы / Журналистика и культура речи. 2011. № 3. С.7-25.....</i>	<i>73</i>

Л.Р. Дускаева (Пермь, ПГУ),

С.Н. Реймер (Санкт-Петербург, ИТиД)

Музыка в газетном тексте

Журналистика, подчиняя стихию повседневности, стремится отразить, как в зеркале, весь спектр интересов своей аудитории. Сегодняшний день в журналистике характеризуется интересом «к частному человеку, частной жизни», это становится «определяющей приметой времени» (Солганик 2005: 16) и проявляется в стремлении отражать многообразие интересов «частного человека». Одно из направлений таких интересов – музыка. Журналист, пишущий и говорящий о музыке, становится посредником между искусством и аудиторией, помогая ей познать и понять перипетии музыкального процесса. Обогащая духовные способности, музыка открывает широкие возможности познания самых глубинных тайн чувств и переживаний. «Музыка – та часть культуры, которая в звучании открывает облик целой культуры, позволяющей видеть себя, свои истинные интересы и противоречия» (Ковальчук 2002: 10).

Журналистика – система, призванная связывать разные начала. Журналист, открывающий аудитории мир музыки, добивается этого, соединяя звук и слово. Он отражает особенности звучания, передает впечатление, которое музыка на него производит, стремясь заинтересовать тем, о чем пишет, согласовать с читателем даваемую им оценку. Тем самым музыка способствует расширению сферы влияния журналистики на общество, формируя вкусовые качества человека, воспитывая вдумчивого, тонкого читателя. В результате создается взаимодействие двух систем, интегрирование музыки в журналистику и наоборот.

Чтобы понять, как воспроизводится музыка в слове, важно понять, каковы особенности ее восприятия человеком. Музыка, воздействуя на звуковые рецепторы, позволяет получить звуковые ощущения – высоту, силу, тембр звуков. Именно этими свойствами характеризуется звук с

физической точки зрения. Но музыкальное произведение – гармоничная комбинация звуков, ритмическая организация которых способствует объединению элементов в целостные образы: «... музыка и музыкальное произведение не есть звуки, аккорды, мелодия, гармония, ритм и т.д., но она все это сочетает в одном идеальном единстве <...>. Слитость и взаимопроникновение тонов и аккордов (разрядка наша – *авт.*) в музыке такова, что нет ни одного в ней совершенно изолированного тона и совершенно отдельно от других воспринимаемых аккордов <...>. Это идеальное единство вступает в новое идеальное единство <...> вплоть до рождения общего и единого лика данного произведения, в котором все, что есть, слито до потери самостоятельности, взаимопроникнуто слито, нерасчленимо, неизмеряемо и невыразимо» (разрядка наша – *авт.*) (Лосев, 1999: 671). Хотя восприятие этого «идеального единства» и «гипнотизирует» сознание и разум слушающего, окунает туда, где, кажется, не нужны слова и многое «невыразимо», мы все-таки попытаемся понять, как «направляющее» слово журналистики помогает отыскать читателю свой путь к музыке.

Общеизвестно, что язык тем или иным образом отражает окружающий мир, а познавательная деятельность человека включает два этапа: отражательный и оценочный. Следовательно, сначала отражая особенности звучания музыки, далее человек соотносит его с определёнными ценностными стандартами – общепринятыми нормами, предыдущим опытом восприятия, сформировавшимся у него вкусом. Представляя событие музыкальной жизни, журналист стремится не только рассказать о нем, описав его, но и передать впечатление о музыкальном действии, его оценку. Впечатление основано на соотнесении услышанного с эталонным образцом, критериями которого становятся чистота и сбалансированность звучания, ритмичность исполнения, соответствие образного начала и тембра звучания исполнителя, соответствие всех элементов музыкального языка

оригинальному художественному образу, несущему на себе особенности стиля, иногда эпохи.

Цель данной статьи – проанализировать стилистические особенности газетных публикаций, в которых отражается звучание музыкального произведения и дается его эстетическая оценка. Необходимо сразу подчеркнуть: специфика журналистского слова о музыке состоит в том, что, рассчитанное на массовую аудиторию и ориентированное на информирующее воздействие неспециалиста, оно, конечно, стремится к доступности и в чем-то упрощает музыкальные явления. В ежедневных газетах сообщается о весьма разнообразных событиях и весьма разностилевых и разножанровых явлениях музыкальной жизни, порою весьма поверхностно передаются перипетии творческого процесса музыканта. Однако материал анализа показывает, что необходимость выразить словом «невыразимое», с одной стороны, повышенная эмоциональность восприятия музыки, с другой, вызывают острую напряженность экспрессии, активный поиск новых и новых способов и приемов ее создания, так что материал анализа представляет для стилиста несомненный интерес.

Говоря о музыке, журналист ведет речь об индивидуальном, ансамблевом и оркестровом исполнении на музыкальном инструменте, о пении, о музыке, созданной композитором и реально не звучащей. Следовательно, в структуре газетных текстов, посвященных явлениям и событиям музыкальной жизни, можно выделить по крайней мере три типа текстовых блоков. В блоках первого типа передается оценка инструментального исполнения музыкального произведения, в блоках второго типа – оценка вокала, третьего – оценка замысла композитора. Наконец, обратимся к анализу стилистики «музыкальных газетных текстов».

1.Развертывание в тексте эстетической оценки сольного или оркестрового исполнения на инструменте(-ах). Главная коммуникативная

цель построения этой текстовой структуры – не просто сообщить о том, что событие состоялось и описать его, а передать, какое эстетическое чувство оно вызвало. Важным компонентом становится Субъект этого действия – музыкант – и Объект, с помощью которого действие совершается, – музыкальный инструмент. Давая оценку, журналист руководствуется рядом общепризнанных критериев: точность и чистота воспроизведения, соответствие манеры исполнения нужному образу, степень слаженности в ансамблевом исполнении.

В следующем фрагменте речь идет об игре рок-гитариста. Музыкант назван официально, сочетанием «господин + фамилия», однако тон этого представления приходит в противоречие с эмоциональным описанием игры на гитаре, пронизанного напряженной экспрессией образности, стилистическим контрастом: *Господин Борландпри помощи своей гитарыреализуетфирменныйприем....:*

онневыписываетзаковыристыхсоло и не рубитжирных риффов, а генерируетни с чем не сравнимоенапряжение при помощи узнаваемого высокого звукабесконечной сюрреалистической морзянки. Приемы игры на гитаре, восхищающие слушателя, можно передать иногда очень метафорично: *выписывает заковыристые соло, рубит жирные риффы.* Однако и не используя этих особенно экспрессивных приемов, можно быть понятым. Для того чтобы подчеркнуть эмоциональный накал исполнения именно этим гитаристом журналист использует более стандартные стилистические средства: *реализует фирменный прием, генерирует напряжение.* Этот накал усиливается с помощью отрицательно-сопоставительной конструкцией (*не..., а...*), подчеркнутого отрицания (*ни с чем не сравнимое*). Как видим, субъектом действия становится манера исполнения (*морзянка*), этот метонимический перенос разворачивается и далее: *Насаженная на ритм-секцию, она до предела натягивает тетиву зрительских эмоций, чтобы разрешиться оглушительным припевом,*

заставляющим всю площадку ходить ходуном. Оценка проникнута не просто восхищением, даже восторгом; использование разговорных единиц интимизирует изложение.

Ради достижения прагматической цели мобилизуется богатый арсенал выразительных средств, изложение подчеркнуто субъективно, например: *Мягкое звучание Air резко преобразжается на концертах: группа, поднаторевшая в работе со звуком в студии, живьем – жестче, ритмичнее, танцевальнее. ... Их звук на выступлениях выверен до миллиметра, цепочки эффектов – сложнейший организм, подчиненный музыке, то спокойный, вдумчивый, то взрывной и смелый* (Metro, 25.11.09). Как видим, оцениваемое действие названо отглагольным существительным (*звучание*), характер этого действия эпитетом (*мягкое*), а исполнители – контекстуальными синонимами (*группа, французы*). Для того чтобы создать образ действия, описывается манера исполнения, обнажается контраст в исполнительской практике группы между исполнением в студии и на сцене. Автор указывает на обстоятельства совершения действия (жаргонным *живьем*), эпитетами описывает особенности ритмики звука (*жестче, ритмичнее, танцевальнее*), отмечает чистоту (*выверен до миллиметра*), слаженность (*цепочки эффектов – сложнейший организм*) исполнения, оценивая профессионализм музыкантов. С помощью эпитетов характеризуется темп и ритм (характер) звучания: *спокойный, вдумчивый, взрывной и смелый*.

Рассмотрим фрагмент, где оценка журналистом музыкального исполнения передается в динамике, когда отмечаются то слабые стороны игры, то сильные. Сначала звучание музыки вызвало недовольство. Оценка передана отрицательным предложением: *Желание артиста максимально упростить аранжировки в капелле, как ни странно, не сработало.* Свою оценку журналист пытается объяснить, указывая с помощью красноречивого сравнения на несбалансированность акустических возможностей помещения

и инструментов: *Звук в зале, вроде бы идеальном в плане акустики и при минимуме инструментов, был как в каком-нибудь пулковском ангаре.* В результате метонимического переноса отношения между субъектом и объектом изменяются, и субъектом действия оказываются сначала звуки музыкального инструмента, переданные в отглагольных существительных, затем сам инструмент, так появляется в тексте ирония: *Смешивались в кучу аккуратные **постукивания** щетками по ударным, клавишные **переборы** на рояле и «родсе», электрогитару обычно было еле слышно, затобасподдавал что надо.* Ощущение дисгармонии звучания уточняется и в дальнейшем изложении: *Электронные **посвистывания** и **гудения**, гнавшиеся через ноутбук, сначала слышались как тихо заводящийся микрофон, а уже потом выяснялось, что – нет, все в тон играет.* Пренебрежительная ирония обнаруживается и в отглагольных существительных (*посвистывания и гудения*), и в сравнении (*как тихо заводящийся микрофон*), и в разговорном фразеологизме (*поддавал что надо*), и в метафоре (*акустическая каша*), и в стилистическим контрасте, который создается смешением книжной, терминологической и разговорной лексики. Журналист далее успевает отметить и более сильные стороны в исполнении: *На фоне этой **акустической каши** хотя бы не терялся вокал...* (Коммерсант, 6.11. 2008). Обращает на себя внимание присутствие в тексте модальности неуверенности (средства выражения которой различны: *вроде бы, в каком-нибудь, сначала слышались..., уже потом выяснялось*), призванная, по видимому, снять категоричность того недовольства, которым окрашен фрагмент.

2. Развертывание в газетном тексте эстетической оценки сольного или хорового пения. Структурной доминантой в таком случае является синтаксическая конструкция «Субъект действия – действие», где действие – пение, а субъект действия – певец. При обосновании впечатления, которое пение произвело, используются такие критерии, как точность

воспроизведения, тембральное соответствие голоса нужному образу, новаторство в исполнении.

В следующем фрагменте оценивается вокальное исполнение: *Известный американский контртенор Беджун Мета при вроде бы мягко-меланхоличной окраске голоса пел своего Дидимасильным и красивым звуком — вполне под стать и партии, написанной для знаменитого кастрата Гаэтано Гваданьи, и масштабам зала, и героическому характеру роли.* Предложение, построенное по схеме «Субъект действия – действие», точно воспроизводит семантику фрагмента: для названия субъекта используется не только имя собственное, представляющее певца, но и метонимия (*известный контртенор*), действие же названо глаголом соответствующей семантики (*пел*). Подчеркивая образ действия (*мягко-меланхоличная окраска голоса, сильный и красивый звук*), автор указывает на соответствие манеры исполнения образу, созданному композитором: *вполне под стать и партии, ...и масштабам зала, и героическому характеру роли.*

Оценка пения следующего исполнителя осуществляется в рассуждающей манере (*вроде бы..., но...*), для представления исполнительницы используется стандартная формула (*Феодора в исполнении немки Кристины Шефер*): *Вроде бы идеально должна была соответствовать ему Феодора в исполнении немки Кристины Шефер, но тут были оговорки: ее точное сопрано звучало глуховато и устало, иногда тонуло в оркестре и вообще недобирало в смысле того сияющего ангельского звучания, которое предполагала сама музыка ее арий.* Во второй части конструкции субъект действия представлен метонимично (номинацией голоса – *сопрано*), действие – глаголом (*звучало*). Недостатки в звучании передаются отрицательно-оценочным метафоричным *тонуло*, эпитетами (*глуховато и устало*). Упрек в отсутствии тембровой выразительности и «звонкости» исполнения выражается в неоправданно, на

наш взгляд, усложненном высказывании: *недобирало в смысле того сияющего ангельского звучания, которое предполагала сама музыка ее арий.*

Пение другого исполнителя тоже характеризуется с помощью метафор и интенсивов-наречий: *Меццо-сопрано Бернарда Финк с деликатностью опытной "барочницы" благородно и чутко спела Ирину, а вот партия Септимия досталась новичку в репертуаре, молодому канадскому тенору Джозефу Кайзеру, два года назад певшему на фестивале Ленского.* Характеристика голоса дается эмоционально, с помощью образных и эмоционально-оценочных слов: *Его свежий красивый голос, конечно, приятно услышать в одной из лучших теноровых партий, вышедших из-под пера Генделя, но пока что приходится отметить нечеткие верхи и смазанные колоратуры.* Несоответствие вокальных данных исполнителя оригиналу акцентируется противительным союзом, определениями – отрицательным (*нечеткие*) и метафорическим (*смазанные*). Противительным союзом и антитезой вводится оценка более удачного в творческом отношении пения: *Зато совершенно роскошной получилась вроде бы скромная в музыкальном смысле партия Валента: немецкий баритон Иоганнес Мартин Кренцесвоему несколько одномерному герою придал колоритную статью шекспировского злодея* (Коммерсант. 02.09.2009). В антитезе (*одномерный герой – колоритная статья*) подчеркивается новаторство вокального исполнения, благодаря которому простой образ «укрупняется» артистом и создается новый запоминающийся персонаж.

3. Развертывание в тексте оценки музыкального сочинения.

Главная коммуникативная цель построения этого блока – раскрыть и обосновать эстетическое впечатление, производимое музыкальным сочинением. Структурной доминантой такой текстовой структуры является конструкция, называющая процесс создания музыки, субъекта действия – композитора и объекта действия – произведение. Здесь критерием оценки выступают степень мастерства, гармоничность, содержательность формы,

особенности воздействия. Конечно, различается речевое оформление описания музыки разных жанров, стилей и направлений. Обратимся к примерам.

Следующий фрагмент содержащейся в нем характеристикой музыкального произведения подготавливает читателя к предстоящему разговору о постановке этого произведения на сцене: ...*"Феодору", предпоследний шедевр Генделя, ораторию совсем трагическую, где нет никакого хеппи-энда, никакого ликующего "аллилуйя", которую не очень просто ставить,— но зато у нее действительно экстраординарная музыка, временами почти экстатическая по своей глубине, силе и сумрачной красоте* (Коммерсант 02.09.2009). Как видим, журналист, стремясь показать особенности воздействия творения, подчеркивает его общепризнанную оценку (*шедевр*), оригинальность (*экстраординарная музыка*), настойчивым подчеркиванием отрицания раскрывает трагизм его звучания (*нет никакого хеппи-энда, никакого ликующего "аллилуйя"*), характеризует силу его эстетического влияния на слушателей (*временами почти экстатическая по своей глубине, силе и сумрачной красоте*). Демонстрируя сложность исполнения этого произведения, журналист драматизирует последующее изложение. В центре внимания этого фрагмента – само произведение, причем субъект действия – композитор – отходит на второй план, однако присутствует в оценке произведения.

Еще один фрагмент, эксплицирующий рассматриваемую форму: ...*опера Доницетти весьма неоднородна в музыкальном плане, ее в какой-то степени можно назвать музыкальным «поток сознания», где присутствуют и речитативы, и секстет, и сольные партии, одна из выдающихся соло Лючии в сопровождении одной флейты...* (Вечерний Петербург, 18.01.09.) Журналист, говоря о музыкальном строении произведения (форме), указывает на особенность восприятия произведения (*музыкальный «поток сознания»*). Рядом однородных членов подчеркнута

«насыщенность» оперы разными структурами (*присутствуют и речитативы, и секстет, и сольные партии*), которая придает произведению неповторимость. Высокой оценкой наделяется и тем самым акцентируется наиболее удачная часть (*выдающиеся соло Лючии в сопровождении одной флейты*).

В другом фрагменте журналист ставит задачу познакомить читателей с популярным музыкальным произведением, для этого прежде всего знакомит с его композицией и оркестровкой: *Цикл «Времена года» объединяет четыре концерта для скрипки и струнного оркестра под названиями... Каждому концерту предпослана литературная составляющая – небольшое стихотворение в форме сонета. Демонстрируя содержательную направленность произведения, автор представляет композитора активно действующим творцом, воспроизводящим в творении свой внутренний мир. Так подчеркивается художественная неповторимость произведения: В музыке сезонного цикла композитор стремится прежде всего выразить свое лирическое восприятие окружающего мира. В чем-то даже пантеистическое. или Надо ли говорить, что Вивальди мастерски сочетает музыкальный материал, обусловленный программой, с трехчастной формой концерта.*

Впечатление о произведении может передаваться в страдательной конструкции. Так, во фрагменте появляется еще один субъект – активный слушатель, испытывающий на себе воздействие музыки и пытающийся описать его: *Настроения, вызываемые созерцанием картин природы и сельского быта, воплощены в ярких мелодических образах.* <...>Отглагольные существительные передают особенности самого процесса создания музыки (в предыдущем предложении *созерцание*, в следующем *использование*): *Кроме того, в использовании тембровых возможностей оркестра и солирующей скрипки, в смелых, порой невероятных современно звучащих гармониях ощущается присущая композитору неистощимая*

изобретательность и богатство творческой фантазии (Час пик, 11-17.11.2009). Как видим, мастерство композитора журналист демонстрирует несколькими приемами. Во-первых, указывает на богатство музыкальных приемов, которые использует творец (для их обозначения используются музыковедческие термины *тембровые возможности оркестра и солирующей скрипки; гармонии*), во-вторых, дает оценку использованию приемов (эпитетами *современно звучащие, смелые, порой невероятные*). Наконец, характеризует самого композитора (с помощью определения, выраженного причастным оборотом, в котором указываются черты творца: *неистощимая изобретательность и богатство творческой фантазии*).

Подведем итоги. Анализ материала показал, что для обоснования эстетической оценки музыкального произведения в газетном тексте формируются блоки, воссоздающие процесс «творения»: создания музыки, ее инструментального или вокального исполнения. «Подключая» богатый арсенал выразительных ресурсов, журналист с помощью слова помогает «услышать» музыку, описывая ее тембр, ритм, темп, высоту, и оценить ее. Оценка произведения передается чрезвычайно эмоционально: положительная оценка окрашивается чувствами восхищения, иногда восторга, отрицательная оценка звучит как упрек или недовольство.

Литература

- Ковальчук И.В. Влияние рок-музыки на формирование стиля жизни российской молодежи: АКД. (социол.) - М., 2002.
- Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. - М., 2003.
- Курышева Т.А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика. - М., 2007.
- Лосев А.Ф. Самое само. - М., 1999.
- Музыкальный энциклопедический словарь. - М., 1990.

СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В БЛОГОСФЕРЕ СООБЩЕСТВ

Аннотация

Статья посвящена одному из речевых проявлений коммунитаризма в русскоязычном блоггинге – стереотипности, которая манифестируется в форме речевых действий, отражает нормы и правила речевого поведения в блогосфере, помогает установить коммуникативный контакт среди участников блог-сообществ.

Summary

This article is devoted to stereotype which is one of the speech manifestations of communitarianism in Russian blogs and which is shown as verbal actions. Stereotype reveals the regulations of verbal behavior in blogosphere. Stereotype also helps blog community to converse with each other.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Коммунитаризм, «третье место», блог-сообщество, речевые стереотипы как средство установления контакта

KEY WORDS:

Communitarianism, "third place", blog community, speech stereotype as means of communicative contact

В предыдущей статье Б.Я.Мисонжникова утверждается мысль о значимости в коммунитаризме так называемого «третьего места», того места, в котором могут быть реализованы общественные потенции представителей «локальных сообществ». «Третьим местом» принято называть «неформальные места встреч, которые поддерживают соседскую жизнь...Преотличнейшие местечки: кафе, кофейни, культурные центры, салоны красоты, универмаги, бары, другие „точки“ и как в них пролетает

день. Главная притягательность никем не назначенных „точек“ – „третьих мест“... чтобы отличать их от крупных, полностью структурированных организаций, с одной стороны, и от семьи и других малых групп, с другой, – заключается в том, что, „какой бы там намек на иерархию ни существовал, она основывается на благопристойности человека“, а не на богатстве, обаянии, напористости или даже уме» [9]. Б.Я. Мисонжников пишет: «Подобные места практически всегда существовали и обеспечивали возможность общения представителей именно «локальных сообществ».

Берусь высказать предположение, что тем «третьим местом», ценность которого утверждается в коммунитаризме, служит сегодня блогосфера, точнее ее особая часть – блогосфера сообществ. Именно здесь можно решать проблемы духовного, политико-управленческого, порою хозяйственного характера. Блоггеры объединяются в сообщества на основе одинаковых тематических интересов, среди которых политика, история, кино, музыка, спорт, путешествия, автомобили, кулинария и т.д. По данным Яндекса, в русскоязычной блогосфере существует более 230 тысяч сообществ. В среднем сообществе публикуется в полтора раза больше записей, чем в среднем личном блоге, и эти записи собирают в полтора раза больше комментариев. 43% сообществ расположено на LiveInternet, 35% — на Blogs@Mail.ru, 16% — в LiveJournal. Самая большая доля блоггеров, состоящих в сообществах, на Mail.ru: почти **60%**. Второе место занимает LiveJournal, в сообществах участвуют 45% его пользователей (3).

Коммунитарное начало в блогинге, по всей видимости, может быть рассмотрено в двух направлениях: во-первых, оно проявляется в том, что блогинг, как известно, способствует сплочению и поддержанию социальных связей; во-вторых, блогинг позволяет вести общение в удобном для каждого пользователя режиме и с той интенсивностью, которая ему нужна (или которую он может себе позволить). Выделяется два направления коммуникативной мотивации в использовании блогов — общение со

знакомыми и расширение круга общения (2). По статистическим данным, активность блоггеров в среднем становится значительно выше через полтора года после создания дневника. Резко увеличивается число записей, и еще больше — число написанных и полученных комментариев. В среднем, в течение первых полутора лет блоггеры комментируют в два раза меньше, чем в следующие полтора года, а получают комментариев в три раза меньше. Это не удивительно — со временем появляются постоянные читатели и комментаторы, а также новые социальные связи. Таким образом, для адаптации в блогосфере нужно примерно полтора года. Пик активности блога наступает через 2,5-3 года после регистрации аккаунта (3).

Обращаясь к массиву интернет-коммуникации с целью анализа речевого поведения тех, кто объединяется вокруг тематического интереса в сообществах и налаживает контакт в блогосфере, важно отметить, что коммуникативное участие в блог-сообществах — это способ самоидентификации людей и их социализации. Участники таких сообществ готовы вступать в общение со «своими» и «чужими», учитывая принятые именно в блогосфереречеповеденческие стереотипы. «Общегрупповые стереотипы — это акт не столько социопсихологического, сколько социокультурного предпочтения. Они содержат установку на принадлежность к своему кругу, характеризуются сходством, тождественностью реакций на ситуацию, отражают узуально закрепленные принципы выбора языковых форм в соответствии с принятыми в культуре нормами» (9). Под речевыми стереотипами, вслед за И.В.Шалиной, мы понимаем речевые клише (устойчивые воспроизводимые слова и обороты), закрепленные за типичными коммуникативными ситуациями. Это могут быть слова-привычки, аксиологические характеристики, частотные сочетания слов, выражения, разговорные речевые формулы, микротексты и даже определенные последовательности микротекстов (9). Хотелось бы

обратить внимание на речевые стереотипы, которые функционируют в русскоязычной блогосфере сообществ.

Один из стереотипов – это жаргонные слова-привычки, среди которых огромное число заимствованных слов. Только активный блоггер способен понять, например, высказывание, содержащее жаргонизмы и специфическую аббревиатуру: *Именно возникающие противоречия и приводят к развитию технологий. Не будут шпилить в сеть бред, спам и копипаст – не будут развиваться алгоритмы ПС, не будет хакеров – не будут совершенствоваться методы защиты.* Другой пример: *Следовательно, больше посетителей, подписчиков, комментариев, трекбеков, пингов, ретвитов и других полезностей для блоггера.* К числу стереотипов известные лишь блоггерам аксиологические актуализаторы, в следующем примере выстраивающие иерархию мастеров ведения блога: *Нет, я не хочу сказать этим, что у нас нет авторов, которые пишут с душой, добавляя креатив. Часто появляются толковые статьи у топовых авторов, нередко можно увидеть таковые у блоггеров с более низким рейтингом и уровнем авторитетности. Но по-настоящему креативные статьи в полном смысле этого слова встречаются намного реже, чем в «буржуйнете».*

Обратимся к блогам, в создании которых участвуют носители субкультуры эмо. В речевом поведении блоггеров – представителей сообществ – разграничивается «свое» и «чужое», последнее мыслится как враждебное, не принимается. Номинации «чужих» хорошо понятны внутри «своего круга», аксиологическими актуализаторами становятся такие слова, как, например, *херки, гопота*. Так эмо называют готов, представителей чуждой субкультуры. Враждебно эмо относятся к «позерам» – тем, кто, желая быть внешне похожими на эмо, внутренне чужд им. ЭМО разделяют позеров на несколько видов, поэтому в речи ЭМО существуют несколько их названий, среди них кашченки (позеры, которые используют только стиль общения представителей субкультуры в интернете, но не придерживаются

мировоззрения эмо) (8). В блоге эмо пишут: «Часто встречаешь людей, для которых эмо — это стиль и не больше. Но эмо – это в первую очередь состояние души, внутренний мир, целая жизнь. Да, мы способны на самоубийство! И все из-за того, что нас отверг мир». ЭМО пытаются привлечь внимание к себе и своим взглядам на мир, идущим вразрез с установленными социальными ценностями. Этот протест отражен и в употреблении специфических, свойственных только носителям ЭМО-культуры слов. Приведу выдержку из статьи в журнале «Прочтение»: «Сленг ЭМО весьма своеобразен. Обычный человек на вопрос «Как дела?» в большинстве случаев отвечает «Окай», «Хорошо», какой-нибудь счастливчик даже скажет «Отлично», а у ЭМО ответы всегда будут одинаковые: «I amnotokaу», а кто-то употребит лексику и потяжелее, например: «Watchthefuck». По мере распространения ЭМО-культуры в обиход стали вводиться новые понятия, появившиеся в этой среде. Например, тоннели — круглые большие дырки в ушах, а плаги – это уже серьги без дырок, вставленные в тоннели. Снэпы - браслеты на руках из резинок и проводов. Обувь же, похожую на тапочки, но с подошвой, как у кедров, называют слипами» (6).

Узнавание своего в «своем» и неприятие «чужого» способствует гармонизации общения. Для письменной речи эмо характерно изменение букв в словах, например замена буквы «в» на «ф»: деФочка вместо деВочка. В монологах эмо изложение центрируется вокруг авторского Я. Эмо-блоггеры говорят о своих чувствах, эмоциях, переживаниях, произошедших с ними событиях. В речи эмо выражается стандартный «набор эмоций» – печали, недовольства окружающим миром и людьми. Обычное для эмо состояние – осознание одиночества и отверженности. Рассмотрим некоторые записи: *Сижу дома одна в полной тишине, голова жутко болит, на улице погода не радует. Вообще день сегодня, какой-то..... ну вот и я загрустила(((((((((((((((.* Многоточие подчеркивает растерянность,

невозможность и неспособность найти своё место в мире. Другая запись: *Да, блин, вся жизнь моя – сплошная проблема!!!!!!! С парнем ссоримся постоянно, с мамой ругаемся, в школе все уже достали, орут, чет ваще не понимаю (думают, что если я отличница, дык и не могу двойки получать, что ли?!!!).....так хочется напиться каких-нибудь транквилизаторов и сдохнуть на фиг(((все равно никому не нужна... Стандартно в речи эмо-блоггеров подчеркивание одиночества и неприкаянности: *Неужели я тут и правда никому не нужна?* Обилие знаков препинания, смайлов свидетельствует о типичном эмоциональном состоянии – угнетенности, возмущении миром. Стереотипны глаголы, показывающие отношения эмо с миром: «ссоримся», «ругаемся», «достали», «сдохнуть». Продемонстрированные речевые стереотипы, свойственные блоггингуэмо, обусловлены потребностью следовать конвенциональным правилам речевого поведения внутри сообщества.*

Стереотипы – важнейшая сторона установления речевого контакта внутри сообществ. Они выступают как «особые формы хранения знаний и оценок» (Уфимцева, 2000, 253), действительно способствуют «распознаванию, узнаванию и в конечном счете взаимопониманию» (Байбурин, 1995, 1), становятся ориентирами в выработке стратегии и тактики речевого поведения в той или иной ситуации. Тем самым стереотипы в виде речевых действий отражают нормы и правила речевого поведения в блогосфере, в конечном счете эксплицируют привычную для сообщества систему ценностей.

Литература

1. Байбурин А. К. К проблеме стереотипизации поведения: быт, событие, ритуал // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез.конф. М., 1995.
2. Блоггинг // <http://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Блогосферарунета // http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2008.pdf
4. [Галкин](http://slovari.yandex.ru/~книги/%20социологии/Энциклопедия) Д. В. Коммуитаризм// <http://slovari.yandex.ru/~книги/%20социологии/Энциклопедия>

5. Грин Р. Т. Коммуитаризм (communitarianism) / Пер. с англ. Н. Ипатовой // http://dps.smrtlc.ru/Int_Encycl/Communitarism.htm.
6. Капитан ЭМО/Прочтение. 2008. №3 // <http://prochtenie.ru/index.php/docs/1453>
7. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
8. Кащенизм // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кащенизм>
9. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии // http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:X2UKvOW7clcJ:www.e-reading.org.ua/bookreader.php/70478/Lesh_-_Voss
10. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
11. Уфимцева Н. В. Слово и культура // Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. XII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, 1-3 июня 2000 г. М., 2000.
12. Шалина И.В. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности/ Известия Уральского государственного университета. - Екатеринбург, 2005. - № 35 // <http://www.philology.ru/linguistics2/shalina-05.htm>

Дускаева Л. Р., Корнилова Н. А.

Фатика в медиатексте как форма реализации развлекательной функции

Фатика становится востребованной не только в разговорной, но и в медийной речи. В зависимости от коммуникативной стратегии издания функция фатического общения различна. В одних изданиях оно призвано снимать информационное напряжение, способствуя разрежению информационной плотности издания. В других, развлекательных изданиях фатика становится доминирующим типом общения.

Summary:

Now fatic is becoming necessary not only in spoken language, but in public language too. It depends on the communication strategy of the periodical if fatic becomes the main type of communication or has a subsidiary function.

Ключевые слова:

фатическая речь, информационная и развлекательная коммуникативные стратегии, языковая игра, тональность общения

Key words:

fatic, information and entertaining communication strategy, irony, communication tone.

Статья посвящена распространившемуся в современном медиатексте явлению — фатике. Обычно это явление связывают с разговорной речью. Фатическая коммуникация протекает в устной форме в непосредственном диалоге. Определяя ее, исследователи указывают на два экстралингвистических параметра ее идентификации — функциональный и содержательно-смысловой.

Функциональное предназначение фатики определяют по-разному: одни (напр., Б. Малиновский), рассматривая фатику как обмен словами, который способствует общности людей и не преследует иных, практических целей, видят его в общении ради общения. Другие (Р. О. Якобсон) видят

предназначение в том, чтобы «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [1, с.201]. Общим для обеих позиций является рассмотрение фатики как средства установления контакта и его поддержания. Установление контакта состоит в привлечении внимания собеседника и поддержании речевого взаимодействия.

Содержательно-смысловой параметр фатики определяют в противопоставлении к информатике. Так, по мысли Т. Г. Винокур, все поле коммуникации делится на области «фатики» и «информатики», которые различаются оппозицией 'общение / сообщение' [2]. Следовательно, для фатического общения характерна вторичность информативности, отсутствие смысловой наполненности, выражающейся в тривиальности обсуждаемых тем. Иными словами, смысл фатического общения обычно равен самому общению. Таким образом, фатику обычно рассматривают как речевое взаимодействие, нацеленное лишь на то, чтобы установить и поддержать общение, в связи с этим она характеризуется вторичностью информативности и смысловой наполненности.

Говоря о том, что фатическая речь максимально приближает нас к субъекту и выступает «регулятором психического состояния людей, их взаимоотношений» [2], исследователи подчеркивают позитивно-конструктивную для коммуникации роль. Так что фатическому общению может придаваться значение не меньшее, чем информативному и «полезному»: в определенных условиях оно способствует эффективной коммуникации.

Чем же вызвано распространение фатики в медиаречи? Факторы ее формирования различны, но мы связываем это явление прежде всего с чрезвычайным расширением роли инфотейнмента (сплава информирования и развлечения) как принципа информирования в масс-медиа. Широкая

«развлекализация» медиадискурса выражается в его устремленности увлекать, удивлять и смешить. Желание увлечь приводит к активизации игры как формы общения, установка удивлять — к эпатажности, а стремление насмешить — к распространению квазикомических форм: шутки, анекдота, насмешки.

Обычная сфера распространения фатики — диалогическая теле- и радиоречь. Функционируя в письменной монологической речи, своей установкой на поддержание контакта фатика привносит в монолог повышенный диалогический тонус, который в конечном счете способствует эффективности коммуникации. Наблюдения показывают, что фатика широко представлена не только в устной [3], но и в письменной медийной речи [4, с. 212-220; 5, с.136-143].

Между тем степень распространенности фатики в разных изданиях и программах различна, различен и ее коммуникативный статус. Покажем это на двух примерах. В первом случае мы рассмотрим функционирование фатики в таком журнале, как «Русский репортер», и информационной новостной телепрограмме, где фатика не может доминировать. В этих случаях она выполняет особую коммуникативную роль — разрежает информационную плотность, напряженность изложения. Во втором случае обратимся к анализу изданий развлекательной направленности и покажем, что там фатическая форма общения именно доминирует. Поддержание коммуникативного взаимодействия в них — самоцель, смысл информационной политики.

В журнале «Русский репортёр» публикуются информационные материалы, смысловым ядром которых являются актуальные общественно значимые события. Однако, помимо них, появляются и другие, в которых читателю предлагается улыбнуться над какими-то курьёзными проявлениями человеческой природы. В качестве примера представим небольшой материал из журнала «Русский репортёр» *«Героин за образами. История о набожной*

торговке наркотиками и смышлёных оперативниках»(Русский репортёр, №13 2009.С. 16.).

Уже в заголовочном комплексе проявляется экспрессия благодаря эффекту неожиданности: сочетание в одной конструкции слов «героин» и «образа» — наркотик и предмет культа — требует пояснения, который далее читатель и получит. Шутливый лид, напоминая заголовки сказок или иронических рассказов, приглашает читателя принять участие в языковой игре. Традиционно в информационных жанрах из стилистического двуединства — стандарта и экспрессии — преобладает стандарт. Однако в нашем случае налицо проникновение экспрессии даже в ранее закрытые для неё информационные жанры(ср. материалы рубрики «Артефакт» в журнале «Вокруг света» (например, №8 2009), «Медицина» и «Наука» в журнале «Огонёк» (например, №11 2009) и т. д.). Фатика, с её установкой на развлечение, обнаруживается, например, в таком журнале, как «Русский репортер». Обратимся к тексту заметки:

Самарским оперативникам потребовалось несколько месяцев, чтобы поймать с поличным известную в городе торговку героином, которая была четырежды судима за сбыт наркотиков и разбой. Отсидев очередной срок, она не оставила свой криминальный бизнес, но при этом вдруг стала глубоко религиозной — даже пела в церковном хоре. Наркополицейские несколько раз наведывались к ней с обыском, но, осмотрев каждый сантиметр однокомнатной квартиры, всякий раз уходили ни с чем. Во время их визитов подозреваемая всегда истово молилась перед домашним иконостасом. Однажды оперативники всё же решили заглянуть за образа, несмотря на протесты хозяйки, которая голосила, что трогать иконы — святотатство. За одной из икон они обнаружили целый склад героина, уже расфасованного на мелкие порции.

Итак, если судить формально, перед нами информационная заметка. Пожалуй, единственным отступлением от структуры классической заметки,

на которое обратит внимание вдумчивый читатель, будет отсутствие точного указания на время, когда произошло событие. Казалось бы, все требования, предъявляемые жанру, соблюдены. Между тем отметим, что информационная насыщенность этого текста невелика и может быть сведена к следующему. Изобретательная торговка наркотиками нашла хитроумный способ обмануть оперативников: спрятала наркотики за образами. Тут же можно было назвать дату задержания и сообщить судебное решение по данному делу. (Классическая заметка предполагает ответ на ряд вопросов, исчерпывающих минимальную информацию о событии.) Однако редакция идёт по другому пути: в ряд информационно насыщенных текстов включается игровой текст, рассчитанный на то, чтобы быть по достоинству оцененным за остроумие, за удачную шутку. Привлечь читателя должна ирония, создаваемая игрой смыслов. Незначительное на первый взгляд событие обрастает подробностями и образностью: перед нами увлекательная история, героями которой становятся *набожная торговка... наркотиками и смышлёные оперативники*. Благодаря характеристикам персонажи перестают быть безликими, приобретают индивидуальные черты. Оксюморон «набожная торговка» складывается за счёт сочетания слов из разных стилистических сфер: положительно-оценочное слово «набожный» относится к высокой лексике, в то время как отрицательно-оценочное «торговка наркотиками» — к сниженной, при этом «наркотики» ассоциируются у читателя с семантическим полем «зло», что, конечно, исключает набожность.

Безусловно иронично словосочетание «смышлёные оперативники». Слово «смышлёный» даёт положительную характеристику, но мы чувствуем в нем лёгкую усмешку, поскольку оно, употребляемое в разговорной речи, обычно выступает в атрибутивной роли по отношению к наименованиям детей, но никак не к наделенным большими полномочиями наркополицейским. Комическая нелепость ситуации выражена и в

следующем предложении: «Отсидев очередной срок, она не оставила свой криминальный бизнес, но при этом вдруг стала глубоко религиозной — даже пела в церковном хоре». Здесь прочитывается аллюзия на фрагмент стихотворения А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре». (Можно предположить, что читатели этого журнала — образованные и начитанные, небезразличные к актуальным проблемам современности, — скорее всего, способны прочитывать прецедентные тексты в том ключе, который предлагает автор.) В данном случае образ, созданный Блоком, и ситуация, в описании которой журналист использует указанный прецедентный текст, вступают в явный конфликт, причём сопоставление блоковской девушки и торговли наркотиками, создания почти неземного и совершенно приземлённого, очевидно абсурдно, что подчёркивает комичность ситуации. Алогизм акцентируется с помощью противительного союза «не оставила бизнес, но стала религиозной». Использованное в заметке наречие «вдруг» имеет отнюдь не темпоральную семантику: оно подчёркивает неожиданность смены жизненных установок у персонажа. Понятно, что установка на религиозность не появляется у человека одновременно: как правило, это итог долгой внутренней работы. Здесь же иное дело: у «четырежды судимой», только-только завершившей «очередной срок» неожиданно пробуждаются религиозные чувства. Поддержать подобное впечатление призвано речевое оформление текста, в котором автор использует стилистический контраст: на фоне книжной синтаксической организации используется множество разговорных лексических единиц. Итак, совершенно очевидно в стилистике заметки участие фатики, которая выражается средствами создания иронии. Читатель понимает шутку, благодаря использованию приемов контраста и алогизма, которые сводят ситуацию к абсурду, а информацию к нулю.

Аналогична функция заключительной, самой «неформальной» части телевизионного новостного выпуска — завершающий программу сюжет призван снять информационное напряжение, поэтому его стилистическому

оформлению профессионалы уделяют большое внимание, например: *И последнее. Им еще нет года — но они уже готовы выйти на большую сцену: в труппе Мстислава Запашного — пополнение молодых косолапых артистов. Алексей Кобылков побывал в шкурах и медведя, и тигра. И на себе испытал, каково это балансировать на шаре. Только пока не на арене, а под пристальным взглядом дрессировщика...* (Авторы выражают признательность известному петербургскому тележурналисту А.Радину за предоставленные материалы). Явно шутливая интонация этого фрагмента формируется целым рядом композиционных и стилистических приемов. Интрига повествования создается отсутствием точного обозначения «главных героев» сюжета: они сначала названы местоимениями 3 лица (*им, они*), затем не содержащим подсказку существительным (*пополнение*), затем парафразом (*молодые косолапые артисты*). Атмосферу шутки в сюжете поддерживает трансформация фразеологизма, полисиндетон (*побывал в шкурах и медведя, и тигра. И на себе испытал*), наконец, инверсией и парцеллированной конструкцией (*на себе испытал, каково это балансировать на шаре. Только пока не на арене...*). Парцелляция используется и в другом заключительном сообщении, появляющийся благодаря использованию этого приема интонационный сбой позволяет замедлить ход повествования и ввести далее в текст необходимое для читателя пояснение. Такой ритм фразы повышает диалогический тонус монологического изложения: *В Петербурге остановился единственный в России плавающий фонтан. Ненадолго — только на профилактику.* Как видим, этот прием и в этом случае позволяет снизить информационную напряженность.

Рассмотрим для сравнения текст в жанре шутливого совета из развлекательного журнала для подростков «YES!» (№ 147, март, 2011 – С. 58-59) . Отправной точкой для установления контакта становится заголовок, который задаёт общую интонацию общения: «10 самых ручных кремов».

Название обыгрывает значение слова «ручной» — «предназначенный, приспособленный для рук». Однако, употребленное в этом значении, словосочетание *ручной крем* не может сочетаться с местоимением *самый*, указывающим на превосходную степень признака. У прилагательного *ручной* не может быть выражена та или иная степень проявления признака. Скорее, у лексемы возникает ассоциация с другим значением слова — «прирученный». Возможно также предположить, что это словосочетание — дословный перевод с английского «handcream». Тем более что для стилистики данного журнала характерна игра на ассоциациях с английскими словами и словосочетаниями («YES!», как мы уже отметили, «журнал для подростков и тинейджеров», а в этой среде популярно смешивать английские и русские слова, в частности с целью создания языковой игры). Следующий далее лид поясняет созданный автором в заголовке каламбур и предлагает каскад прецедентных фрагментов: *«10 самых-самых приятных кремов для рук. Трепетно заботиться о так называемых верхних конечностях — твой священный долг. Они должны быть нежными и гладкими. Ну, хотя бы чтобы было не стыдно держать принца за руку»*.

Совершенно очевидно, что атрибутивное словосочетание — книжная стилистическая окраска наименования рук (*верхние конечности*) вступает в противоречие с неточностью его употребления, придавая высказыванию ироничное звучание: верхними конечностями называется рука от плеча до кисти, а в журнальной публикации речь идёт только о кисти. Стилистически высокое «*священный долг*» вступает в противопоставление явно сниженному предмету речи, что также создаёт ироническую интонацию. Иронично звучит слово *принц* в сочетании *держать принца за руку*. Подытоживая разговор об использовании прецедентности, отметим, что она в этом материале сводится к легко вычитываемым штампам, по всей видимости, это связано с попыткой учесть уровень знаний читателя, на которого рассчитан журнал. Полагаем, это вполне оправданная авторская коммуникативная установка, поскольку

привитие навыка вычитывать узнаваемые прецедентные тексты способно развить речевую компетенцию читателя.

Ироничная тональность сопровождает и последующее изложение, которое продолжается вопросно-ответным комплексом, усиливающим интимизацию изложения: *Ты где-нибудь видела принцесс с сухими шелушащимися лапками? Мы — нет. Поэтому сами регулярно пользуемся кремами для рук и тебе советуем. Кстати, восстанавливающие кремы с плотной консистенцией можно наносить толстым слоем, как маску, а потом убирать излишки с помощью салфетки. В особенно запущенных случаях попробуй сделать такую маску перед сном и натянуть на руки самые простые хлопчатобумажные перчатки. Вот увидишь, на утро кожа будет нежной-нежной. Ну а чтобы не допускать таких запущенных ситуаций, периодически смазывай руки увлажняющим кремом и в холодную погоду всегда носи перчатки.*

Использование в тексте значка-смайлика «)», который обычно встречается в сети Интернет и выражает улыбку, после одного из предложений лида — тоже своеобразная отсылка к фоновым знаниям читателей журнала, активных пользователей Интернета. Автор, включая такой элемент в текст, объединяет себя и своих читателей, сокращает дистанцию между собой и аудиторией.

В целом можно сказать, что в этом тексте обращает на себя внимание интонация, в точности имитирующая дружескую. Эту интонацию поддерживают, во-первых, обращение к аудитории на «ты», что создаёт иллюзию персонального обращения к читателю и задаёт некоторую фамильярность общения (в русской культуре «ты» является знаком доверия и используется при условии близкого знакомства с собеседником), во-вторых, элементы языковой игры, включённые в такой небольшой по объёму текст, в-третьих, намеренное столкновение различных лексических пластов (ср.: «*верхние конечности*» и «*лапки*»). Ирония, создающаяся благодаря

использованию всех этих приемов способна смягчить даже самый назидательный тон совета. Интонацию интимизации поддерживает органичное использование разговорных синтаксических конструкций и лексических единиц: «Ну, хотя бы чтобы было не стыдно держать принца за руку», «Ты где-нибудь видела...? Мы — нет. Поэтому сами...», «Вот увидишь, наутро кожа будет нежной-нежной» — все эти речевые средства направлены на создание разговорной интонации, имитирующей дружескую беседу (если определять речевой жанр, то это совет). Таким образом, перед нами текст, целиком рассчитанный на создание и поддержание контакта между адресатом и адресантом.

Подобного рода тексты можно найти во многих развлекательных журналах, например, в «Cosmopolitan», «Men'sHealth», «Esquire», «Собака.ру» и т. д. Все эти издания ориентируются в первую очередь не на информирование публики о социально значимых событиях, а на установление контакта, сообщение о любопытных, но не имеющих социальной значимости событиях. Возьмём в качестве примера ещё один материал, под названием «Елизавета II: на отдых с няней», на этот раз из журнала «Hello!» (№17, август 2010.С. 32). Перед нами текст, который можно с полным на то основанием назвать сплетней, тем более что журнал «Hello!» позиционирует себя как «знаменитый журнал о знаменитых людях», издания подобной направленности многочисленны и популярны сегодня (взять хотя бы «ОК!», «StarHit» или «Караван историй»).

Уже сам заголовок рассчитан на эпатаж: автор намеренно использует конструкцию, в которой смысловые связи между частями предложения могут быть истолкованы максимально широко. И первый смысл, который приходит в голову, таков: королева Англии нуждается в опеке няни. Как мы узнаем далее из текста, речь идёт о няне её детей, которую королева пригласила с собой в поездку по Шотландии:

Лето — пора отпусков, причём не только для простых людей, но и для монарших особ тоже. Королева Англии Елизавета II решила отдохнуть в Шотландии, куда отправилась на шикарном лайнере «Принц Гебрид». Среди множества людей, сопровождающих королеву в путешествии, был 83-летняя Мейбел Андерсон (на фото в центре) — бессменная няня всех детей Елизаветы II. Её сотрудничество с королевским двором началось почти 70 лет назад: тогда 22-летняя Андерсон откликнулась на самое обычное объявление в газете о найме няни, даже не предполагая, что её подопечными окажутся отпрыски королевской семьи! И хотя дети Елизаветы II подросли и не нуждаются ни в чьей заботе, монаршие особы о няне не забывают. Королева лично пригласила «придворную Мэри Поппинс» провести с ней отпуск. Во время поездки Елизавета II и Мейбел мило общались друг с другом, а в Шотландии их уже ждал принц Чарльз. Говорят, из детей королевы он больше всех любит свою няню. Поэтому с удовольствием пригласил старушку на званый ужин в замке Мей в честь приезда Елизаветы II.

Итак, если рассматривать содержательную сторону этого материала, можно с уверенностью сказать, что информация здесь стремится к нулю и что событие, послужившее информационным поводом для написания текста, вряд ли значимо для читателя. Воспроизводится коммуникативная ситуация, типичная для разговорной речи, когда собеседникам неважно, о чём говорить, лишь бы говорить. Предметом обсуждения становится известное лицо, и эпатажный заголовок привлекает внимание аудитории, побуждая читателя прочесть текст до конца.

А начинается заметка, как видим, издалека, с пустой по своей информационной значимости фразы «лето — пора отпусков», далее мы узнаем, куда поехала отдыхать королева Англии, что среди её сопровождающих была и няня её детей, потом следует краткое описание того, как Мейбел Андерсон попала на свою работу, кульминацией текста

оказывается замечание «*во время поездки Елизавета II и Мейбел мило общались друг с другом*» и завершением — приглашение няни на званый ужин. Строгой логической последовательности в данном тексте не наблюдается, фразы цепляются друг за друга по ассоциативному принципу, мы не знаем, чего ждать от следующей фразы и, прочитав текст, испытываем, скорее, недоумение по поводу того, что же хотел сказать автор. В бытовом общении такие тексты уместны, но в медийной речи такой текст типичен лишь для развлекательного дискурса.

Текст строится в ироническом ключе, с использованием языковой игры и прецедентных текстов, рассчитанных на поддержание контакта. В качестве апелляции к фоновым знаниям автор использует штамп «*лето — пора отпусков*» и упоминание персонажа книги Памэлы Трэверс «Мэри Поппинс с Вишнёвой улицы». Очевидно различие в степени сложности вычитывания прецедентных текстов в материалах из «Русского репортёра» и «Hello!»: в последнем случае они максимально очевидны, это подтверждает нашу версию о том, что степень сложности апелляции к фоновым знаниям будет зависеть от уровня интеллектуальной подготовленности целевой аудитории, на которую рассчитывает редакция. Ирония выражена, в частности, в следующей фразе: «*И хотя дети Елизаветы II подросли и не нуждаются ни в чьей заботе, монаршие особы о няне не забывают*». Слово «*подросли*» подразумевает незначительную степень проявления признака, тогда как мы знаем, что сыну королевы уже больше 60 лет. Несоответствие выбранной лексемы и ситуации, относительно которой она употребляется, подчёркивает насмешливую интонацию всего текста. Ирония создается с помощью слов, заимствованных из разных лексических пластов: «*монаршие особы*», «*отпрыски королевской семьи*» и «*старушка*», «*мило общались*».

Подведем итоги. Фатическое общение в медиатекстах имеет разный коммуникативный статус. В насыщенных информацией изданиях и программах оно разрежает информационную плотность, снимая

информационное напряжение. Фатика, поддерживаемая шутливой ироничной интонацией, языковой игрой, в этих случаях направлена на эмоциональную разрядку.

В изданиях, рассчитанных на развлечение аудитории, фатическое речевое поведение принципиально автономно и является доминирующей формой общения, которое создается языковой игрой, активной обращенностью к адресату, включением разговорных средств всех языковых уровней. Все это придает изложению дружескую тональность непосредственного, тематически сниженного в информационном отношении диалога с читателем.

Литература

1. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 201.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. — 172 с.
3. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. — 320 с.
4. Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 212-220.
5. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 136-143.

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ПРЕССЕ:

АСПЕКТ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В статье описана система речевых жанров, представляющая алгоритм осуществляемого в журналистике политического анализа действительности. Информационные, оценочные и побудительные речевые жанры выступают моделями, использование которых позволяет журналисту ориентировать аудиторию в политической ситуации. Рассмотренные жанровые формы выражают присущие этому анализу особенности и являют собой стереотипы для порождения разнообразных информационных и аналитических журналистских жанров.

Ключевые слова: этапы политического анализа в прессе, информационные, оценочные и побудительные речевые жанры

По статусу и роли в обществе прессу называют «и средством, и объектом, и субъектом, и наблюдателем политической деятельности» [Корконосенко 1996: 42]. Включенная в политический процесс, она является одним из субъектов политического анализа [Симонов 2002, Прохоров 1998]. **Цель** статьи – представить систему речевых жанров, выработанных в прессе для осуществления политического анализа. Тем самым будут раскрыты основные текстовые формы вербализации свойственных этой деятельности когнитивных структур. Такой анализ демонстрирует, с помощью каких речевых механизмов пресса оказывает воздействие на формирование общественного сознания, как отражаются в речевой структуре текста коммуникативные и ценностные целеустановки профессиональной деятельности журналиста.

Актуальность такого исследования очевидна: предложенное в статье направление анализа находится в русле активно развивающегося сегодня когнитивного изучения языка СМИ. **Объект** изучения – публикации современной российской общественно-политической прессы. **Предмет** анализа – тематическая, композиционная и стилистическая структура жанров газетных текстов с позиции их диалогической природы, обусловленной спецификой

творческой деятельности журналиста. **Материалом** изучения послужили тексты газет последнего десятилетия разных политических ориентаций: «Российская газета», «Новая газета», «Независимая газета», «Правда» и др.

В политологических работах выделяется несколько этапов политического анализа: исследование конкретных политических событий и политической ситуации, создание предположений по поводу ее возможного развития и принятие компетентных политических решений [Симонов 2002]. Рассматривая политический анализ как органически присущий журналистике вид деятельности, Е.П.Прохоров выделяет в этой деятельности три внутренних логических этапа, со специфическими познавательными действиями на каждом из них. По мнению ученого, первый шаг политического анализа предполагает необходимость «увидеть» факт или явление, событие или заявление в рамках определенной социальной системы [Прохоров 1998: 109]. Как показывает анализ журналистских материалов, для реализации этих задач осуществляется своеобразное журналистское «портретирование» действительности, помогающее зафиксировать изменения в действительности (факты и явления, события и заявления, поведение известных и еще неизвестных персонажей, причастных к изменениям). Так проясняется, каково положение дел в политической сфере: уточняются активные субъекты на политическом поле, устанавливается расклад политических сил и то, каково их влияние и взаимодействие. Для отражения первого шага политического анализа в средствах массовой информации, включающего сбор информации, рождаются **информирующие** классы текстов (речевые жанры).

По мнению Е.П.Прохорова, второй шаг политического анализа – «определение системы требований, выдвигаемых к различным политическим институтам и социальным силам. В основе этих требований – стремление преобразовать господствующую политическую линию, решения по поводу рассматриваемой ситуации, состояния дел в той или иной сфере жизни» [там

же: 109]. Как показывает наше исследование, в журналистских текстах все это оформляется как постановка проблемы, демонстрация и обоснование последней. Для этого журналист ведет речь о том, что в окружающей действительности вызывает у него тревогу, вследствие чего это происходит, каковы движущие силы происходящих политических процессов, кто виноват в происходящем, к чему сложившееся положение дел может привести. Тем самым действительность «диагностируется», если собранной информации о ней дается аналитическая оценка и строится прогноз развития ситуации. Так ведется поиск ответов на вопросы, в каком мире мы живем и какие остро социальные проблемы стоят перед нами. Для реализации второго шага политического анализа формируются **оценочные (диагностирующие)** журналистские жанры. Эти жанры способствуют «созданию идеологической ценностно-познавательной конструкции (картины мира)» [Прохоров 1998: 109].

Третий шаг политического анализа – «выработка представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей... Общее направление этих акций – подготовка к формированию максимально единых политических подходов и требований в лагере передовых сил общества, сплочение (разрядка наша – *Л.Д.*) вокруг выработанной идеи наибольшего числа сторонников, нацеливание их на конкретные политические действия» [там же: 110]. Материал исследования показывает, что для выполнения этого этапа рождается к жизни еще одна группа аналитических жанров, характеризующихся **побудительной** целеустановкой. Эта группа – **побудительных** – речевых жанров эксплицирует процесс выработки управленческого решения. Итак, три этапа политического анализа в прессе выполняется благодаря трем группам жанров – информационных, оценочных и побудительных.

Дальнейшая дифференциация внутри групп на жанры, а затем на жанровые разновидности осуществляется с учетом объектного аспекта

жанровой целеустановки. Первая группа жанров, направленных на диагностирование действительности, далее дифференцируется в зависимости от того, какой «участок» действительности предусматривается отразить. Вторая группа – оценочные жанры – дифференцируется на основе того, оценки чего требуется с адресатом согласовать. Последняя группа – побудительные жанры – на основе того, какую активность в адресате предполагается вызвать жанровой моделью.

Все жанры в силу диалогической природы имеют бинарную композицию и дифференцируются под воздействием соответствующей жанровой гипотезы об адресате, моделируемые вопросы которой определяют предметный аспект целеустановки¹. Первая группа жанров, информирующих, направлена на отражение действительности и делится далее на основе гипотетических представлений о «содержательных ожиданиях адресата», т.е. в зависимости от того, о ЧЕМ предполагается информировать. Для ответа на этот вопрос, необходимо выяснить, что является эмпирическими объектами политического анализа в журналистике. В политологии называют в качестве объектов политического анализа совокупность всех совершенных в прошлом и совершаемых в настоящем политических акций, их реализаторов, обуславливающих данные акции причин, а также их результатов [см., например: Симонов, 2002: 11]. Среда погружения журналиста в действительность составляет как *динамика* (т.е. события), так и *статика* (т.е. ситуации), а кроме того, *лица*, действия (или бездействие) которых предопределяет особенности динамики общественных процессов, характеристики статики. Журналистика, со сложившимися в ней жанровыми формами, имеет необходимый инструментарий для того, чтобы выступать активным субъектом политического анализа.

Совершенно правомерно представить сбор информации в журналистике решением задач политического анализа, которые можно сформулировать в виде набора вопросов, стимулирующих формирование жанра: 1) какое

событие и как, где, почему, с какой целью происходило и какового результат? 2) что и как, где, почему сложилось? 3) кто действующие лица в событиях, каковы их действия (мнения и позиции), чьи интересы они выражают? В ответ на имплицитно (в монологах) и эксплицитно (в диалогах) выраженные вопросы сообщаются новости (1) о событиях и происшествиях; 2) о сложившихся ситуациях и наблюдаемых явлениях; 3) о персонажах (их деятельности, мнениях, характеристиках). На основе перечисленных жанровых вопросов формируются такие жанры, как «Сообщение о ходе события», «Сообщение о причине события», «Сообщение о результатах события» и т.д. (см. табл. ниже). Указанные речевые жанры воплощаются в заметках, интервью и репортажах.

Вторая группа – оценочные речевые жанры. Исходя из того, оценки ЧЕГО предполагается согласовать с адресатом, эта группа делится на 2 подгруппы: оценивающие 1) действительность; 2) чужие смысловые позиции; 3) персонажи. Весьма разнопланово предстает оценка действительности, поскольку сама действительность может рассматриваться как в *динамике*, так и в *статике*. Оценку чужих позиций воплощает свой набор интертекстуальных жанров. Отдельное направление оценочного исследования – личность. Таким образом, оценочные жанры составляет следующий набор: «Оценка хода общественных изменений», «Оценка явления /ситуации», «Оценка чужого высказывания», «Политический портрет».

Третья группа жанров – побудительные – дифференцируется в зависимости от того, к КАКИМ ДЕЙСТВИЯМ побуждается адресат, какую активность у него предполагается вызвать. В модели выработки управленческого решения, созданной в трудах по психологии, теории управления, логике, политологии, выделяют несколько стадий: определение цели действий, выбор способа решения, программирование, исполнение действий и его текущую корректировку – оценку [Афанасьев 1981; Берков

1997; Еникеев 1999 и др.]. Процесс принятия и согласования решений в журналистике проходит через эти же стадии, каждая из которых становится основой для формирования жанровых целеустановок и жанровых моделей, таких как «Предложение способов решения проблемы», «Побуждение к выбору варианта решения общественной проблемы» и т.д. (см. табл.). Оценочные и побудительные речевые жанры воплощаются в аналитических жанрах (в корреспонденции, статье, комментарии, обзоре, обзрении, рецензии, аналитическом интервью).

Итак, дифференциация газетных речевых жанров осуществляется по двум направлениям: «по вертикали», когда они делятся на группы, и по «горизонтали», когда делятся внутри групп. Каждый из выделенных нами жанров представлен рядом разновидностей в силу различий применяемых в них способов выражения (по степени выраженной в них социальной оценочности, по характеру модальности, по тональности и т.д.).

Все сказанное о типовых целеустановкахⁱⁱ в журналистике и классификации на их основе газетных речевых жанров обобщим в таблице.

Таблица

Группы жанров	Назначение
1. Информационные жанры (заметки, репортажи, интервью)	
Сообщение о динамике происходящего	«Сообщение о ходе события»; «Сообщение о пространстве события»; «Сообщение о причинах события»; «Сообщение о последствиях события»
Сообщение о наблюдаемой статике	«Сообщение о явлении»; «Сообщение о ситуации как взаимодействии субъектов»; «Сообщение о месте и причинах ситуации»
Сообщение об участниках политической жизни	«Сообщение о деятельности лица»; «Сообщение о высказывании лица»; «Информационный портрет»

2. Оценочные жанры (корреспонденция, статья, комментарий, обзор, обозрение, рецензия, аналитическое интервью)	
Оценка динамики	«Оценка хода общественных изменений»
Оценка статики	«Оценка явления и ситуации»
Оценка чужих высказываний	«Оценка чужого высказывания»
Оценка персонажа	«Политический портрет»
3. Побудительные жанры (корреспонденция, статья, комментарий, аналитическое интервью)	
Стимулирование практической активности	«Рекомендация способа решения проблемы»; «Рекомендация программы действий»
Стимулирование выбора	«Побуждение к выбору варианта решения общественной проблемы»; «Побуждение к выбору варианта программы действий»
Стимулирование коррекции действий	«Коррекция предпринятых властных действий»; «Коррекция неверной схемы деятельности в конфликтной ситуации»

Таким образом, представленная в таблице трехчленная классификация речевых жанров воплощает все этапы политического анализа в прессе. Дифференциация этих жанров осуществлена на основе тех типовых творческих целеустановок взаимодействия журналиста и адресата, которые реализуются в ходе такого анализа действительности. Выделенные целеустановки выступают не изолированно, а взаимодействуют друг с другом и составляют систему, с помощью которой осуществляется полный цикл политического анализа.

В самом общем виде композиция жанровой модели отражает алгоритм познания той или иной стороны действительности – события, ситуации,

политического субъекта. Композиция жанра – типовая текстовая структура, в которой реализуется совокупность коммуникативно-речевых интеракций, позволяющих достичь общей жанровой цели. Манера речи, характеризующая речевой жанр, складывающаяся в нем в результате взаимодействия интеракций, составляет «жанровый стиль» (Салимовский 2002: 58). Как влияют на жанровый стиль коммуникативные целеустановки, связанные с потребностями политического анализа в прессе, рассмотрим далее.

Отражение в газетных информирующих жанрах первого шага политического анализа – знакомства с окружающей обстановкой.

Политолог А.И.Соловьев подтверждает существование этого этапа в ходе политического анализа, когда выделяет среди решаемых им универсальных задач вычленение важнейших акций и интеракций, действующих в данных обстоятельствах субъектов (2001: 435). Заметки, репортажи, интервью строятся как сообщения о политических событиях, ситуациях и персонажах. Тексты, направленные на реализацию общей типовой целеустановки, типологизируются, сближаясь композиционно и стилистически.

Из представленной выше таблицы речевых жанров видно, что в новостной журналистике о событии сообщается с помощью целого ряда жанровых моделей-сообщений. Новостью становится уже происшедшее или еще ожидаемое, предполагаемое событие как последовательность изменения во времени и в пространстве различных состояний политического актора от исходного к результирующему. Схема информирования о событии (свершившемся или предстоящем) общеизвестна – в самом общем виде ее можно представить последовательностью ответов на гипотетические вопросы: 1) Что произошло, с чего это началось или что послужило поводом? 2) Как происходило (будет происходить)? 3) Чем завершилось (завершится)? Порядок и характер гипотетических вопросов – это стереотипы, сложившиеся в профессиональной практике речепорождения.

Приведем примеры: а) Цензурный гоп-стоп (Новая газета, 17.12. 2009); б) Классовые битвы за рубежом (Правда, 15.01.2010). Наблюдения за последовательностью построения заметок, выстраиваемых как «Сообщение о событии», показывают, что при общности композиционной различна степень эксплицированности «протестности»: в «Правде», представляющей интересы КПРФ, она значительно выше и агрессивнее, чем в «Новой газете», выражающей интересы либерально-демократических политических сил. Сравнение этих двух публикаций, посвященных сообщению о событии, взятых из двух разных политических газет, показывает, что в принципах отбора передаваемой информации есть общее и различное. Общее – в выборе фактов, содержащих агональное начало (выражение несогласия или протеста против действий власти, сильных мира сего). Обратимся к текстам.

Ответы на первый вопрос модели о том, что произошло, даются уже в заголовках названием происшедшего: *«Цензурный гоп-стоп», «Классовые битвы»*. В первом тексте речь идет о событии, происшедшем в Петербурге, во втором – во Франции. Далее в тексте заметки двусоставными предложениями «Субъект действия – действие» поясняется, что называет газета «гоп-стоп»: *Неизвестные лица встали между книгой «Матвиенко: итоги» и ее потенциальными читателями. В понедельник в шесть утра на пути из типографии был остановлен пикап с двумя сопровождающими 10 тысячами экземпляров брошюры. – и классовой битвой: На улицы ...вышли сотни рабочих французского шинного завода «Континенталь» в Кларуа. Вместе с представителями компартии они протестовали против судебного преследования шести их коллег, участвовавших в разгроме помещений супрефектуры в Компъене в апреле прошлого года. История противостояния трудящихся «Континенталья» и властей началась в марте 2009 года, когда рабочие узнали о неминуемом закрытии их предприятия, превратившегося в убыточное в условиях разразившегося мирового экономического кризиса. В результате реструктуризации компании на*

улице оказались 1120 человек. Многие из них отдали не одно десятилетие заводу в Кларуа.

Агональность в первом тексте поддерживается дополняющей заметку справкой: <...>Текст (украденной брошюры – Л.Д.) содержит авторский взгляд на итоги семилетнего правления Петербургом губернатора Валентины Матвиенко. Помимо прочего, есть главы о **печальных архитектурных изменениях городской среды** <...>, об **ухудшении экологической ситуации**, о членах семьи **Валентины Ивановны и их социальном и экономическом положении**, а также некоторые **статистические данные**<...> Как видим, в этом тексте выражается недовольство действиями власти. Для этого используются средства как прямой оценочности – эмоциональной («печальных архитектурных изменениях») и прагматической (ухудшение экологической ситуации), так и косвенной – в форме намека (когда указание на предмет речи содержится (социальное и экономическое положение членов семьи губернатора), оценка опускается, но, какова эта оценка, читателю ясно из-за окружающего отрицательнооценочного контекста справки). Из последующего повествования о событиях, происходивших в разных странах, узнаем о том, как продолжалось противостояние: а) **Нападавшие уложили людей лицом в асфальт и все забрали**, - поясняет Ольга Курносова. – При этом никаких документов или объяснений они не предоставили; б) **Недовольные рабочие жгли шины на проходной, бросали яйца и освистывали руководство предприятия. Борьбу за свои права сотрудники продолжили в комьенском суде, однако и там их требования не были услышаны, и решение о закрытии завода осталось в силе. Возмущенные отказом люди разгромили супрефектуру, разбив окна, оргтехнику и мебель. Затем, выйдя на улицу, принялись жечь автопокрышки на улицах. Спустя девять месяцев шестеро наиболее активных участников событий в Комьене были привлечены к административной ответственности.**

В первом сообщении о событии повествуется весьма сдержанно, во втором – острый накал приобретает выражение несогласия, когда, по сути, преступные действия недовольных увольнением рабочих, которые «*жгли шины на проходной, бросали яйца и освистывали руководство предприятия*», позже «*разгромили супрефектуру, разбив окна, оргтехнику и мебель, затем, выйдя на улицу, принялись жечь автопокрышки*», преподносятся как акт выражения справедливого протеста: *сотни рабочих ... протестовали против судебного преследования коллег*. В тексте звучит скрытая угроза в адрес властей, допускающих массовые увольнения.

Чем завершаются сообщения о событии? Как в первом, так и во втором тексте речь идет о последующих протестных действиях, для этого используются предложения семантической структуры «Субъект действия – действие»: а) *Члены ОГФ планируют отпечатать новый тираж – в разных типографиях действуя с большой осторожностью, чтобы в 20-х числах декабря провести презентацию издания для журналистов. ...Думаю, сейчас мы просто ограничимся подачей заявления о грабеже, и впредь будем действовать осторожней;* б) *Рабочих из Кларуа поддержали и коллеги из Ганновера, где «Континенталь» также закрыл ряд заводов по производству автозапчастей*. Агональность выражается демонстрацией противодействия власти. В первом тексте, например, эти действия называются и описываются обстоятельствами образа действия (*планируют отпечатать новый тираж – в разных типографиях и действуя с большой осторожностью*). Во втором тексте указывается на совместные протестные действия (*коллеги из Ганновера ...поддержали рабочих*), против кого они направлены («Континенталь») и каковы действия, вызывающие активный протест (*также закрыл ряд заводов*).

О состоянии действительности, т.е. о том, что, как, где, почему складывается и каким существует, аудитория информируется с помощью

таких моделей-сообщений, как «О явлении», «О ситуации как взаимодействии субъектов», «О месте и причинах ситуации». Основные коммуникативные действия здесь – констатация параметров ситуации и описание ряда вызывающих тревогу журналиста опасных тенденций. Тем самым ситуация предстает как длящийся в определенном месте процесс или сложившееся в определенном месте состояние. Такое информирование можно в самом общем виде представить в виде последовательности ответов на вопросы: а) каковы пространственно-временные характеристики ситуации? б) в каких актах взаимодействия ситуация проявляется? в) к чему может привести? – возможный прогноз. Обратимся к примерам: а) Мемориал» пойдет в Европу (Новая газета, 22.01.2010); б) Оппозиция, стараясь избежать прошлых ошибок, делает новые (Известия, 17.01.2010). В первом тексте представлена конфликтная ситуация, во втором характеризуется состояние дел в определенной сфере.

В лиде первого текста обозначены параметры ситуации – место, время, действующие лица, акты конфликтного взаимодействия и их результат: *В деле «Кадыров против Орлова» возможности национального правосудия исчерпаны. Вчера Мосгорсуд отклонил кассацию председателя правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова на решение Тверского районного суда города Москвы. Впрочем, также суд отклонил и противоположную кассацию, поданную Рамзаном Кадыровым.*

Аналогично приметы ситуации определяются во втором тексте – пространство, время, действующие лица, акты взаимодействия: *14 марта будут избираться региональные парламенты в Республике Алтай, Воронежской, Калужской... В регионах будут избираться мэры пяти столиц и депутаты законодательных органов восьми административных центров. Всего в стране состоится 3,5 тысячи избирательных кампаний.* Пространство обозначается географическими наименованиями, время – датами и глагольными формами, акты

взаимодействия названы конструкциями соответствующей семантики (*будут избираться региональные парламенты, состоится 3,5 тысячи избирательных кампаний*).

Далее демонстрируется противостояние конфликтующих сторон. В первом тексте суть противостояния передается указанием на сами акты противодействия и их субъектов: а) *Ранее, 6 октября 2009 года Тверской суд частично удовлетворил иск о защите чести и достоинства, поданный Кадыровым против «Мемориала», а также лично против его главы. Напомним, честь и достоинство президента Чечни были задеты несправедливыми, по его мнению, словами Олега Орлова, прозвучавшими сразу после убийства Натальи Эстемировой, которая представляла «Мемориал» в Чечне: о том, что президент республики несет прямую ответственность за случившееся. В заявлении «Мемориала» говорилось, что трагедия напрямую связана с политикой властей республики. Тверской суд проигнорировал...* Как видим, акты противодействия выражены косвенной речью. На чьей стороне газета, становится очевидным благодаря ироничной оценочной рамке, в которой представлено решение суда: *Руководителя «Мемориала» обязали компенсировать страдания чеченского президента, выплатив ему 20 тысяч рублей. С «Мемориала» взыскали 50 тысяч.*

Параметры ситуации, показанной во втором тексте, представляются глаголами, глагольными формами со значением процессности: *Последние данные социологических опросов от 9 января 2010 года, обнародованные ВЦИОМом, показывают: за "Единую Россию" - 55% опрошенных. КПРФ пользуется поддержкой 7%, ЛДПР - 4%, "Справедливая Россия" - 3%, что находится в пределах статистической погрешности (3,4%).* Ироничное отношение к методам действий в момент избирательных кампаний демонстрирует метафора: *"Яблоко", пытающееся обратно вкатиться на политическое поле, пока на уровне 1% поддержки. ... Проблема с кадрами*

и у КПРФ. Характеристика ситуации дается с помощью метафор, средств эмоциональной и прагматической оценки: *Странно, что партия, которая критикует технологию "паровозов", сама наиболее примитивном уровне эту технологию **вовсю** использует, устраивая настоящий "чёр" своих политиков, которые пользуются хоть какой-то узнаваемостью... Все это свидетельствует о короткой "скамейке запасных" коммунистов, вынужденных устраивать гастроли одних и тех же узнаваемых лиц ... Им приходится заполнять списки "варягами", чтобы скрыть провал местных коммунистов, которых, похоже, мало кто знает и мало кто будет за них голосовать.*

Подводятся итоги сложившейся ситуации, что передается средствами соответствующей семантики: а) *Решением Тверского суда **остались недовольны обе стороны. Орлова оно не устраивало по существу, Кадырова — по сумме выплаты. ...И вот вчера Мосгорсуд нашел позицию обеих сторон безосновательной. «Мемориал» должен опубликовать опровержение того самого заявления, президенту Чечни должны быть выплачены деньги.** Высказывается предположение о развитии ситуации определением последующих действий участника конфликта: *В решении суда сказано, что стороны вправе ...обжаловать судебные акты ... Олег Орлов, однако, полагает, что с учетом предсказуемости решения, в этом нет смысла.Национальные возможности правосудия исчерпаны, что позволяет ему обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека.* Противостояние российской судебной власти и действующих лиц в конфликте передано с помощью отрицательных предложений и языковых единиц со значением противопоставления.*

И во втором тексте при подведении итогов прогнозируется результат последующих действий. Это передается средствами выражения гипотетичности: *Вполне можно ожидать, что и на Алтае история*

повторится, а Харитонов проследует в другой субъект федерации – вытаскивать тамошних коммунистов "паровозиком". Прогноз объясняется отражением причинно-следственных связей:...**Партии**, представляющие разные, зачастую враждебные друг другу идеи и политические позиции (как, например, КПРФ и ЛДПР), **попросту сливаются в общую массу**. Пользуясь одними и теми же словами, выдвигая одни и те же обвинения, **в глазах избирателя они теперь совершенно неразличимы**. Как результат - **оппозиционные партии на выборах уже давно отбирают голоса не у правящей партии, а друг у друга**. Так было... По всей видимости, так же будет и в марте, если оппозиционные партии не изменят свою тактику. В придаточном условия последнего предложения звучит косвенно выраженное побуждение.

В познании ситуации важное место занимает не только то, что происходило, что наблюдается и на что обращает внимание журналист, но и КТО субъект политических акций и интеракций и КАКОВ он. Информирова о субъектах политического процесса, новостная политическая журналистика делает это, главным образом, в таких жанровых формах, как «Сообщение о деятельности лица», «Сообщение о высказывании лица», «Информационный портрет». Последний жанр создается комплексно: называются действия, по которым можно оценить героя, описывается пространство его действий, указывается на взаимодействие с другими персонажами, в общих чертах сообщается о деятельности лица, о позиции (социальной, творческой, жизненной), может даваться даже речевая характеристика или какие-то примечательные детали портрета, хотя, разумеется, информирование не предполагает исследование типа, анализа героя в рамках политического явления.

Представим примеры публикаций в жанре информационного портрета:
а) Сергей Дарькин утвержден на пост губернатора Приморья (Ъ-Online, 11.01.2010); б) Человек из завтрашней России (Новая газета, 11.11. 2009). В

политических газетах фигура политика предстает по-разному, например, в первом тексте как персона, признанная официальной властью:

а) Парламентарии законодательного собрания Приморья утвердили предложенную президентом России кандидатуру на должность главы региона. В третий раз этот пост займет действующий губернатор Приморского края Сергей Дарькин. В его поддержку высказался 31 депутат, один парламентарий проголосовал против. Представлявший Дарькина полпред президента на Дальнем Востоке Виктор Ишаев объяснил присутствовавшим очередное внесение кандидатуры главы края: "В этой ситуации какие-либо эксперименты неуместны. Это должен быть проверенный, опытный человек". Утвержденному на третий срок губернатору Ишаев поручил произвести "качественный перелом в жизни приморцев". Оценки, данные персонажу, вложены в уста других, тем самым создается объективированность, характерная для «Ъ»-изданий. В публикации звучит лишь отзыв того недоумения, которое вызвало новое назначение: *Стоит отметить, что еще в октябре 2009 года шансы Сергея Дарькина на переизбрание не выглядели столь значительными. Свою роль в этом сыграл и связанный с главой региона скандал. Напомним, в мае 2008 года губернатор Приморья допрашивался в связи с возможной причастностью к незаконной приватизации и коррупции... Сам подследственный сразу же слег в больницу. Приморские политологи тогда прогнозировали его скорую отставку. Тем не менее в июле 2009 года губернатор подтвердил свою готовность пойти на очередной срок, а его имя было внесено в список предложенных Дмитрию Медведеву кандидатур от партии "Единая Россия". Как заявляли в приморском политсовете партии, альтернативы Дарькину на руководящий пост нет.*

Тональность информирующих портретных текстов стилистически различна. Для стилистики «Новой газеты» характерна поляризация высказываемых оценок, демонстрация противопоставления «своего чужому».

О персонаже, признанным своим, говорится в соответствующей тональности. Так, во втором тексте она скорбна и торжественно-патетична: б) *Умер Виталий Гинзбург, академик РАН, нобелевский лауреат, наш друг, постоянный автор «Новой газеты». В плеяду великих физиков XX века он вошел по праву, по честному гамбургскому счету. На этом счету ..., весомый вклад в изучение ..., создание вместе с Ландау феноменологической теории ... Он был великим гражданином России. Но не сегодняшней, не вчерашней — завтрашней России гражданского общества. Жил по ее еще не утвердившимся в действительности законам. Что непросто было и тогда, когда он... И потом было непросто, когда принципиально Виталий Гинзбург отказался участвовать в коллективной травле сосланного в тот же Горький Андрея Сахарова.* Для противопоставления «своего» «чужому» используется антитеза, единицы с противительной семантикой, отрицания.

Духовная близость «своего» в человеке подчеркнута активным использованием разнообразных положительно-оценочных средств: *В последние годы жизни Виталий Лазаревич стал заинтересованным читателем и активным автором нашей газеты. ... И нам выпало счастье общения с этим ярким, в суждениях парадоксальным и неожиданным, в отстаивании своих взглядов порой даже беспощадным человеком, который, перешагнув 90-летний порог, сохранил ясность, резкость, поразительную молодость ума.*

Как видно из примеров, благодаря разной стилистической тональности в информирующих речевых жанрах отражаются не только события политической жизни, но и социальная позиция издания.

Таким образом, в ходе наблюдений за действительностью журналист отбирает в ней те её участки, которые особенно значимы для характеристики современной политической обстановки. Знакомя с новостями политической жизни (событиями, ситуациями, действиями политических субъектов), журналист акцентирует внимание читателя на наиболее проблемных, с его

точки зрения, участках действительности. Эта информация станет фундаментом для оценки, вырабатываемой на следующем этапе политического анализа.

Жанровые формы, используемые для отражения двух других этапов политического анализа: оценку действительности и выработку управленческого решения, – описать детально в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в жанрообразовании, отражающем эти этапы политического анализа, укажем лишь наиболее важные тенденцииⁱⁱⁱ.

Второй шаг политического анализа – выработка оценки в ходе политического анализа и определение целей общественного развития. Явная и скрытая социальная оценочность является общей стилевой чертой не только газетных текстов (Г.Я.Солганик), в том числе информационных, но и всей политической коммуникации [Чудинов 2007: 63]. На втором этапе социального ориентирования в жанрах корреспонденции, статьи, комментария, обзора, обозрения, рецензии, аналитического интервью осуществляется анализ действительности на основе оценки [Тертычный 2003]. В результате журналист вырабатывает мнение о том, что было зафиксировано на предыдущем этапе, определяя как ценность полезного для общественного развития, так и предупреждая об опасности вредного. Для отражения такого анализа в газетной журналистике формируются собственно **оценочные жанры** – вторая группа диагностирующих жанров, направленных на выработку представлений о целях общественного развития. Однако оценка во всех этих текстах имеет побудительный характер, потому что, подчеркивая её, журналист предупреждает об угрозе тех или иных тенденций, тем самым мотивирует обращенный к адресату призыв к социальной активности. Так в ходе политического анализа происходит преобразование оценочной информации в побудительную.

В зависимости от установок издания оценка выражается прямо или косвенно. Так, из рассмотренных нами изданий отметим

открытую оценочность в большинстве публикаций «Новой газеты», «Правды», «Литературной газеты». Для таких газет, как «Коммерсант», «Независимая газета», характерна косвенная оценочность. При оценочном анализе используются разные виды оценок: не только общие, но и частные. Пользуясь общеизвестной классификацией частных оценок, данной Н.Д.Арутюновой, отметим, что в прессе участвует широкий спектр частных оценок – интеллектуальные, эмоциональные, морально-этические, нормативные, утилитарные, телеологические.

Обоснование своей позиции журналист осуществляет в условиях множественности мнений по обсуждаемым вопросам. Механизм оценивания в политической сфере, в частности, раскрывает А.И.Соловьев, подчеркивая, что «в силу конкурентной природы политической сферы и, как следствие, неизбежности различного видения той или иной ситуации, того или иного события представителями соперничающих сил, интерпретация одних и тех же фактов приобретает неоднозначный характер» [Соловьев 2002: 433]. Следовательно, каждый автор, «исходя из своих интересов с точки зрения статуса, позиции и других существенных черт своего отношения к действительности» (там же), оценивает, интерпретируя, и тем самым определяет угол зрения на происходящее.

Журналист выстраивает стратегию оценивания таким образом, чтобы мобилизовать как можно большее число сторонников. Это обстоятельство предопределяет характер отношений с аудиторией в политическом общении. Автор активно использует коммуникативную стратегию «сопротивления» гипотетическому оппоненту. Стилистически это и выражается в учете другого отношения к освещаемому, часто в виде маркирования специальными языковыми средствами «своего» (одобряемого) и «чужого» (отвергаемого). Предупреждая отрицательный коммуникативный результат, журналист разъясняет, толкует, обосновывает. Отсюда – большая роль рассуждения в оценочных жанрах.

Однонаправление оценочной стадии политического анализа— динамические процессы в обществе. Чтобы понять характер общественных процессов, необходимо прояснить, в каком направлении и под влиянием каких причин происходят изменения в мире. Журналист в действиях отдельных акторов на политическом поле обнаруживает опасные для общества тенденции. В результате анализа большого числа аналитических публикаций обнаружены разные классы, в которых представляется осмысление того, как происходят изменения (события), и определяются их движущие силы. В жанровой модели «Оценка хода общественных изменений» дают характеристику этих изменений, демонстрируя социальное противоречие. Жанровая форма представляет последовательность познавательных акций: 1) уяснение мотивов действий; 2) характеристика последовательности действий; 3) установления причин действий; 4) предупреждения об опасности действий. Таким образом, логика представленного в жанре рассуждения развивается, как правило, по типу обоснования, устанавливающего целесообразность или вредоносность описываемых действий, и объяснения, раскрывающего их причины и мотивы.

В результате знакомства с мотивами (целями) деятельности субъектов, причин, которые определяют их действия, «принуждают» к действиям в той или иной последовательности, а также итогов действий и их влияния на последующий ход событий, читатель получает представление о динамике происходящего: о формирующихся в обществе неблагоприятных тенденциях, о переходе причин в следствие. Опасения журналиста передаются широким использованием языковых средств эмоциональной оценки. Особенностью «предъявления угрозы» в этой жанровой модели – воспроизведение опасных действий.

В течении бытия в какой-то момент изменение объекта прекращается и создается кратковременное равновесие сил или устанавливается какое-то их

соотношение, которое требует журналистской оценки, поэтому в политическом анализе, осуществляемом в журналистике, в качестве объекта оценки значительное место занимает другая сторона – статика.

Второе направление оценочной стадии политического анализа – наблюдаемые в данный момент явления и ситуации. С целью выработки мнения о статике необходимо выявить и оценить свойственные ей характеристики, присущие ей взаимосвязи, исследовать, какими причинами обусловлены эти взаимосвязи. Для этого сложилась жанровая модель «Оценка явления, ситуации», в которой содержится сообщение о месте их распространения, причинах их возникновения, особенностях взаимодействия сторон, в результате которого ситуация была создана. Для создания информационного поля жанровой модели используются информационно-«ситуационный» жанр, который на предыдущем этапе – сбора информации – был вторичным. Оценочное рассуждение осуществляется главным образом на основе описания и сообщения. Логика реализации жанровой схемы включает согласование с читателем 1) оценок отдельных сторон описываемого явления и выделения в нем наиболее опасного; 2) установления факторов (причин, условий) возникновения угрозы. Кроме того, в жанре формулируется побуждение к устранению опасности. Журналист, выделяя аспекты оценки для согласования с читателем своего мнения об объекте описания, акцентирует наиболее противоречивые стороны. Дополняют политический анализ в прессе публикации в жанре «Оценка чужого высказывания» и «Политический портрет».

В результате оценки действительности, осуществляемой с помощью описанных жанровых моделей, достигается важнейшая цель политического анализа – определяются цели, задачи, направления общественной деятельности. Указывая на неблагоприятные, даже опасные фрагменты реальности журналист формулирует проблему, определяет векторы последующего развития. Предупреждая о неудовлетворительном состоянии дел, раскрывая

опасность такого бездействия, обосновывая необходимость активных действий, публицист рекомендует устранить опасные или вредные для общества тенденции.

Поиск способов и средств устранения опасности – задача третьего этапа политического анализа в журналистике.

Отражение в речевых жанрах третьего этапа политического анализа - побуждения к социальным преобразованиям. Стадию выработки «представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей», отражает в журналистике группа *побудительных* жанров. На заключительном этапе политического анализа журналист проходит через ряд стадий выдвижения и согласования решений: выбор путей решения, выполнение действий, их разъяснение и текущую корректировку решений – оценку. В группе побудительных жанры дифференцируются исходя из характера действий, к которым адресат побуждается (и характер побуждения отражается в речевой структуре текстов): различаются действия ментальные и физические, конкретные действия или выбора действий и т.д. В зависимости от ожидаемой активности адресата в каждой из жанровых моделей выстраивается логика взаимодействия с ним.

Автор произведения учитывает (должен принимать во внимание!) возможность отказа выполнять эти действия, поэтому в процессе побуждения предупреждается вероятная пассивность адресата, а в связи с этим сила иллокутивного воздействия в этих жанрах особенно высока. Таким образом читатель вовлекается в прескриптивный диалог, в ходе которого с реципиентом согласуются решения по важным практическим вопросам экономической, социальной политики, а также оценки предложений и программ по общественному развитию.

Стимулирование практической активности осуществляется как предложение: например, в жанре «Рекомендация способа решения

проблемы» адресат узнает о выбранном журналистом способе решения проблемы, а в жанре «Рекомендация выбора варианта решения общественной проблемы» - о нескольких возможных в той или иной критической ситуации действиях. Стимулирование деятельности возможно как коррекция уже совершенных действий в жанре «Коррекция предпринятых властных действий», а для анализа конфликтного взаимодействия, цель которого – поиск его причин и указание на способы по его устранению, может быть использован жанр «Коррекция неверной схемы деятельности в конфликтной ситуации». Последняя жанровая схема чаще всего используется в корреспонденциях.

Как показал анализ материала, композиция этих жанровых моделей может быть описана через рассмотрение последовательности постановки цели. Цель – образ результата планируемых действий, придающий всякому действию направленность, служащий его законом, образцом, нормой [Сирин 1979:118]. В журналистике цель рассматривается как конечный результат, на достижение которого необходимо направить усилия общества по его совершенствованию. Целью же является преодоление (устранение) того, что препятствует прогрессу. В исследованиях по логике определяется ряд вопросов, с ответом на которые связано формулирование цели: 1) Ради чего нужно действовать? 2) Что нужно сделать? 3) Как и на основе чего нужно действовать? [Берков 1997: 362]. При этом «цель, направляя внимание и усилия субъекта в будущее, несет на себе давление актуальных обстоятельств, ценность вводит критерий желательности и субъективного предпочтения в формирование как самой цели, так и в выборе средств её реализации» [Демидов 2001:138]. В вопросе «ради чего?» фиксируется запрос о мотивационном аспекте цели, в вопросе «что?» – о предметном, в вопросе «как» – о ситуационном. Объективное содержание цели определяется рассмотрением сложившейся ситуации, выяснением противоречия, того, что необходимо устранить. Оценкой его вреда и

опасности с адресатом согласовывается мотивационный аспект цели. Ситуационный аспект цели раскрывается в ответе на вопрос, как следует действовать и чем указанный способ лучше другого.

Как показывает материал исследования, динамика ответа на эти вопросы отражается в выделенных нами побудительных жанрах. В публикациях построенных по этим жанровым схемам, отражается, каковы социальные потребности, убеждение автора в том, что представления журналиста о социальных потребностях соответствуют интересам людей.

Особенностью побудительных жанров является своеобразная ориентация на будущее, в котором может установиться гармония, при условии принятия той или иной предлагаемой журналистами модели действий; но будет дисгармоничным – в том случае, если модель не будет принята.

Анализ показывает, что композиция побудительных жанров включает определение целей, задач и описание способа рекомендуемых действий, наконец, объяснение целесообразности предлагаемой модели действий. Побудительная модальность в публицистике разнообразна по семантике: она выступает как предложение, наставление, предостережение, практический совет и предупреждение. Каждая модальность материализуется в тексте своим набором языковых способов, приемов и средств.

Подведем итоги. Описанная в статье система газетных речевых жанров отражает этапы и ступени политического анализа, специфика осуществления которого в журналистике определяется двумя моментами: оперативностью и направленностью на выявление потенциальных возможностей возникновения проблемных ситуаций и на поиск путей оптимизации деятельности политических субъектов.

Информационные, оценочные и побудительные речевые жанры выступают моделями, использование которых позволяет журналисту

ориентировать аудиторию в политической ситуации. Классы газетных текстов, цель которых – выработка у аудитории навыков «разбираться в окружающей обстановке, понимать и оценивать социальные явления, выявлять их значимость для себя и влияние на протекающие процессы, определять к ним отношение» [Прохоров, 1998: 51], отражают первых два этапа политического анализа и характеризуются преимущественно информирующей и оценочной модальностью. Классы текстов, характеризующиеся побудительной модальностью и направленные на выработку целей, направлений, способов деятельности, отражают третий этап политического анализа.

В жанровой стилистике выделенных классов текстов отражается в самом общем виде алгоритм политического анализа того или иного объекта и присущие этому анализу особенности. Тем самым рассмотренные жанровые формы представляют собой стереотипы для порождения разнообразных информационных и аналитических журналистских жанров. Исследование позволяет раскрыть речевые механизмы развертывания информирования, оценивания и побуждения в политической прессе.

ⁱ Более подробно о композиции речевого жанра изложено в прежних наших публикациях: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Жанровая гипотеза адресата // Вестник МГУ. – Сер. X. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 97-107.

ⁱⁱ Все названия жанрам были даны по той доминирующей коммуникативной целеустановке взаимодействия автора и читателя, которая определяет формирование жанра, поэтому были предложены, например, такие названия, как «Сообщение о ходе событий», «Сообщение о пространстве событий», «Сообщение о причинах события» и т.д. Мы пошли по такому пути, опираясь на традицию, сложившуюся в лингвистическом жанроведении, где деление жанров осуществляется на основе ведущей коммуникативной целеустановки (Т.В.Шмелева, Т.Ю.Федосюк и мн.др.). Эта традиция устойчива, уже неоднократно апробирована. В частности, в отношении разговорной речи по иллокутивной цели выделяются жанры приветствия, благодарности, извинения, комплимента, совета, шутки и т.д. В результате проведенного нами исследования были выявлены типовые иллокутивные целеустановки, значимые для журналистики, и на этой основе даны названия выделенным речевым жанрам.

ⁱⁱⁱ См. подробный анализ этих композиционно-стилистических единств – речевых жанров в других публикациях автора, например в монографии: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.

Литература

- Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г.Афанасьев – М.: Политиздат, 1981. – 334 с.
- Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И. Логика / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич. – Минск: Тетра Системс, 1997. – 480 с.
- Демидов А.И. Учение о политике: философские основания / А.И.Демидов. – М.: Норма, 2001. – 288 с.
- Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р.Дускаева. –Пермь: Изд-во Пермского университета, 2004. – 286 с.
- Еникеев М.И. Общая и социальная психология / М.И.Еникеев. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 624 с.
- Корконосенко С.Г. Политические роли российской журналистики // Журналистика – XX век: эволюция и проблемы / Отв.ред. Г.В.Жирков / С.Г.Корконосенко. – СПб.: Изд-во факультета журналистики СПбГУ, 1996. – 187 с.
- Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П.Прохоров.– М.: РИП-холдинг, 1998. – 310 с.
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В.А.Салимовский.– Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. – 236 с.
- Симонов К.В. Политический анализ / К.В.Симонов. – М.: Логос, 2002. – 152 с.
- Сирин А.Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов / А.Д.Сирин. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1979. – 239 с.
- Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе / Г.Я.Солганик. – М.: Флинта, 2000. – 220 с.
- Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политическая технологии / А.И.Соловьев. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 559 с.
- Тертычный А.А. Методология и методика социального познания в журналистике: Дис. в виде доклада... д-ра филол. наук.– М., 2003.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П.Чудинов. – М., 2007.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи /Т.В.Шмелева. – Саратов: Изд-во «Колледж», 1997. – 286 с.

Л.Р.Дускаева

Выражение эстетической оценочности в газетном дискурсе

Аннотация

Статья посвящена особенностям выражения эстетической оценочности в газетных текстах: пения, исполнения на инструменте и музыкального сочинения. В результате анализа установлено, что для передачи эстетической оценки музыкального произведения формируются соответствующие текстовые блоки, в которых содержится описание звуковых особенностей произведения и эмоционального впечатления от его прослушивания. Блоки формируются благодаря использованию лексики и синтаксических конструкций соответствующей семантики, тропов и фигур речи, эмоционально-оценочных средств.

Ключевые слова: газетный дискурс, эстетическая оценочность, текстовый блок.

Abstracts

This given article is devoted to particularities estetical tools (vocals, instrumental plaing and composing) in newssparers' texts. As a result of analysis was determined that text blocks, which contains description of sonic particularities of composition and it's emotional impression, are formed due to express estetical point of composition. Those blocks are formed due to usage of syntactic structures of suitable semantic, trope and sayings, emotionallyvaluational tools.

Key words: newspapers' discours, estetical tools, text block.

Журналистов часто упрекают – и заслуженно! – в игнорировании общепринятых норм публичного речевого поведения, в культивировании неэтичных и неэстетичных форм общения¹. Обращение к анализу функционирования средств массовой информации в области досуга² – позволило обнаружить в речевом поведении журналиста свойства, о которых

обычно не упоминается в разговоре о языке современных российских масс-медиа. Цель статьи – рассмотреть, как в современном российском газетном дискурсе выражается одна из его интенциональных особенностей – эстетическая оценочность. Под дискурсом мы понимаем, вслед за В.Е. Чернявской, «комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы»³. Объектами эстетической оценки журналиста становятся произведения искусства, объекты природы, человек. Предполагается проанализировать газетные публикации, посвященные оценке событий музыкальной жизни. Эти события разнообразны: концерты, спектакли, представления, событием может стать и появление музыкального произведения.

Как показал анализ материала, в газетном дискурсе выделяется класс (тип) текстов, целеустановка которых – оценить событие музыкальной жизни. Оценить их – значит определить эстетическую ценность актов музыкальной творческой деятельности, установить, насколько свойства этих актов соответствуют укоренившимся в данной сфере деятельности идеалам о прекрасном. Но, как известно, сама по себе оценка информативно недостаточна и требует последующей интерпретации, т.е. объяснения того, почему объект получает такую оценку⁴.

Интерпретация эстетической оценки музыкального исполнения предполагает развертывание ответа на вопрос, в какой мере физические свойства инструментального (вокального) звучания выражают присущее исполнению художественно-образное содержание. Кроме того, интерпретация эстетической оценки включает отражение того эмоционального впечатления, которое оказывает на него музыкальная деятельность. А.В. Гулыга, анализирувавший с философско-эстетических позиций феномен эстетической оценки, отмечает: «Эмоции являются необходимым компонентом ценностного отношения: оно всегда

эмоционально. Радость, любование, восхищение, благоговение – вот спектр чувств, возникающих при этом»⁵.

Таким образом, оценочные высказывания, влитые в интерпретативное, объясняющее рассуждение выступают основой смыслового развертывания рассматриваемого типа текстов, в композиционной структуре которых обнаруживается в связи с этим по крайней мере три вида речевых блоков⁶. В блоках первого вида разворачивается оценка инструментального исполнения музыкального произведения, в блоках второго вида – вокала, третьего – художественного замысла композитора⁶.

Обратимся к анализу блока первого вида – **выражению в тексте эстетической оценки исполнения музыкального произведения на инструменте (-ах)**. Главная коммуникативная цель построения этого типового фрагмента – передать, какова эстетическая ценность инструментального исполнения, ставшего составной частью события музыкальной жизни. Охарактеризовать прекрасным исполнение можно в том случае, если оно соответствует общественным эстетическим идеалам и нормам и способно вызвать эстетические чувства не только убедительностью музыкальной трактовки, но и точностью и чистотой воспроизведения (тембра, ритма, силы, высоты звука), слаженностью исполнения. Следовательно, смысловую структуру данного речевого блока составляют по крайней мере два компонента. Первый – это воспроизведение акта исполнения музыкального произведения с указанием а) на действие и его субъектов – музыканта или инструмент, б) объект действия – звучание музыкального произведения или его исполнение и в) свойства исполнения. Второй – это воспроизведение оценки звучания музыкального произведения и ее интерпретация, что включает: а) указание на знаки оценки выделенных свойств звучания, б) сопоставление особенностей исполнения с замыслом композитора, в) образную интерпретацию музыкального материала, г) передачу эмоционального отклика, вызванного восприятием музыки.

Рассмотрим фрагмент из газетной публикации. В первом предложении назван акт исполнения музыкального произведения: Первое отделение вечера в соответствии с посвящением всего фестиваля было отдано **виолончели**. Как видим, субъектом действия метонимично назван инструмент. В следующем предложении субъект действия – исполнитель – назван номинативной цепочкой «фамилия + имя», личным составным наименованием назван объект действия – музыкальное произведение: «“Вариации на тему рококо” Чайковского исполнил швейцарец Вэн-Синн Янг, чьим **главным музыкальным достоинством оказался глубокий, матово-благородный звук**» (Российская газета, 07.04.2010). Как видим, оценка передана выделительным оценочным словосочетанием (*главноедостоинство*), интерпретация разворачивается с помощью эпитетов (*глубокий, матово-благородный звук*). Использованные эпитеты образованы в результате переноса разноплановых значений: первый – в результате преобразования пространственной семантики. Второй эпитет образован сложением двух определений – *матовый* и *благородный*. В более важном компоненте *благородный* преобразуется этико-оценочная семантика, оценочную семантику этого компонента помогает углубить преобразование световой семантики в определении *матовый*.

В другом фрагменте публикации из «Российской газеты» более развернуто представлена интерпретация оценки оркестрового исполнения произведения. Объясняя оценку, журналист услышанный музыкальный материал сопоставляет с произведением-первоисточником. Семантика сопоставления, структурирующая фрагмент, выражается использованием лексемы соответствующего значения, формой сравнительной степени, противительным союзом, притяжательным местоимением и другими средствами: «... национальный “хит” – “Сабантуй” НазибаЖиганова ... в **другой** интерпретации. Конечно, темпераментный дух праздника сабантуя, в музыкальном материале которого вихрь танцевальных ритмов, конного скака

и лирических мелодий, мог бы у Мансурова оказаться более “аутентичным”, но Ринкявичюс сделал свой акцент на “риторике” праздника, на развернутых ярких звучностях, на крупных контрастах. И оркестр сразу показал свой хороший тон, умение удерживать форте, не скатываясь в пустые громовые эффекты, спаянность инструментальных групп» (Российская газета, 07.04.2010). Как видим, здесь несколько субъектов действия: разные дирижеры и оркестр. Журналист подчеркивает мастерство оркестра в поддержке соответствующей замыслу силы звука с помощью средств выражения утилитарной оценки (*умение удерживать форте, хороший тон, ...не скатываясь в пустые громовые эффекты*), слаженность оркестрового исполнения – с помощью метафоры (*спаянность инструментальных групп*). Оценка обретает объемность благодаря использованию рядов однородных членов. В такие ряды сначала выстроены характеристики замысла музыкального произведения (*вихрь танцевальных ритмов, конного скака и лирических мелодий*), затем особенности настроения исполнения (*сделал акцент на «риторике» праздника, на ... звучностях, на ... контрастах*), наконец, продемонстрированные оркестром навыки (*показал ... тон, умение ..., спаянность ...*). Эпитеты, передающие настроение инструментального исполнения, образованы переносом световой (*яркие*), пространственной (*развернутых звучностях*) и звуковой (*громовые*) семантики, семантики размера (*крупные*).

Эстетическая оценка, как и другие ее виды, контрарна, поскольку автор стремится подчеркивать не только удачные стороны инструментального исполнения, но и менее удачные. В последнем случае в тексте звучит упрек: «В общем и целом стеклянная гармоника оказалась инструментом далеко не таким техничным, как флейта, – пассажи, исполняемые на ней, в терцию сопровождают рулады Лючии... звучание гармоника все время опаздывало по времени, создавая эффект размытой, слегка светящейся ауры» (Российская газета, 07.04.2010). Упреки автора вызывает неточность

звука по высоте, по темпу. Интерпретативные высказывания организованы с помощью метонимий: *в терцию сопровождают рулады, звучание опаздывало по времени.*

Как видно из приведенных примеров, переходы оценки от «+» к «-» делает динамичными процессуальность в передаче инструментального звучания. Восхищение точностью создаваемых в ходе исполнения образов, техничностью игры может смениться недовольством, если в отдельных случаях этого недостает, и наоборот: недовольство сменяется похвалой. Динамичность позволяет обеспечить объективность оценки – упреки выражаются на фоне похвалы: «**Лучше всего** исполнителю **удались** лирические вариации, в которых качество звука выходило на первый план, **заслоняя некоторую непродуманность фразировки и небезупречность в исполнении технически сложных мест**» (Российская газета. 07.06.2010).

Упреки может вызвать несоответствие настроения, которое создается исполнением, первоисточнику – авторскому замыслу, например: «**Несколько пресно** прозвучала в концерте Девятая симфония Шостаковича...Были отличные соло в оркестре, был финальный бурлеск, **но все-таки едкая желчь** Шостаковича, разлитая в партитуре в квадратных маршах, галопных ритмах, в резком свисте пикколо, **осталась в тени дирижерской интерпретации**» (там же). Несоответствие настроения подчеркнуто с помощью эпитета, созданного преобразованием семантики вкусового восприятия (*пресно*), противительного союза (*но все-таки*), фразеологизма (*осталась в тени*).

И вновь слышится восхищение, которое подчеркивается развернутой метафорой, эпитетами, построенными в ряды однородных членов. Смена знака оценки маркируется противительным союзом: «**Зато** Вторая симфония Скрябина **впечатлила** у Ринквичюса своим **грандиозным звуковым потоком – плотным, захватывающим сверкающей игрой мотивов, гигантскими волнами динамики и россыпями соло**» (Российская газета.

07.06.2010). Как видим, образность речи здесь передает силу эстетического впечатления, вызванного мощью звука: *гигантскими, грандиозными*. Это же подчеркивается семантикой других метафор *плотный, поток, волны, россыпи*. Благодаря образному строю речи вывод автора кажется убедительным: «**Козырем** казанского оркестра оказалась **строгая мощь и монолитный звук** – качества, **ценные** не только на Востоке» (Российская газета. 07.06.10). Оценка передается с помощью лексемы *козырь*, использованной в переносном значении и имеющей разговорный характер. Такое словоупотребление способствует интимизации газетного изложения. Однако необходимость характеризовать музыкальный звук приводит к использованию специальных терминов – книжных слов *терция, форте, соло* и др.

Обратимся к анализу второй формы – **выражению в газетном тексте эстетической оценки сольного или хорового пения**. Главная коммуникативная цель построения этого типового фрагмента – передать, какова эстетическая ценность вокального исполнения. Важные критерии, лежащие в основе оценки вокального исполнения: эмоциональная убедительность и техника звуковедения (чистота звука и адекватность интонации). Следовательно, смысловую структуру данного речевого блока главным образом составляют, как и в первом случае, два компонента. Первый из них – воспроизведение пения с указанием на а) само действие и его субъектов – певца, б) объект действия – голосовое звучание и в) свойства исполнения. Второй – это воспроизведение оценки пения и ее интерпретация, что включает: а) указание на знаки оценки выделенных свойств, б) сопоставление особенностей исполнения с замыслом композитора, в) эмоциональную интерпретацию музыкального материала, г) передачу эмоционального отклика, вызванного восприятием музыки. Смысловая структура блока второго типа, если можно так выразиться, более «антропологична», чем структура блока первого.

Действие, описываемое в следующем фрагменте публикации, – пение, а субъект действия – певец: «Концерт в целом прошел **хорошо**. Правда, солистов поместили в глубине сцены, позади оркестра, но **голос Дессейпрекраснолетел** в зал и оттуда. **Она все сделала как надо: вокальная техника у нее безукоризненная**, культура звуковедения – **выше всяких похвал**, так что свои **коронные арии она спела в общем абсолютно гладко, правильно, нисколько не погрешив ни против хорошего вкуса, ни против чистоты интонации**» (Российская газета.10.10.2010. Для выражения комплимента в адрес певицы используется мелиоративная лексика разной грамматической природы. Мастерство певицы подчеркивают фразеологические обороты: *сделала как надо, выше всяких похвал*, прилагательные *безукоризненная*, наречия *гладко, правильно*, деепричастный оборот, содержащий интенсивы положительной оценки. Оценка подчеркивается усилением отрицания (*нисколько не, ни... ни*). В этом фрагменте оценка обосновывается выделением ее критериев: вокальная техника, культура звуковедения, эстетический вкус.

Эти же критерии лежат в основе эстетической оценки пения в следующем фрагменте. Пение характеризуется как развивающееся действие: «Нетребко показала, что **прекрасночувствует** разницу: **за вкус и чувство меры можно было не волноваться**... Романсы Римского петь трудно... Но все **переливы настроений** были **переданы ювелирно** и вместе с тем **непосредственно, а голос звучал превосходно**. Романсы Чайковского тоже были выстроены контрастными блоками, и **артистка подала** их местами **неожиданно – порыв эдакой детской досады** в романсе “Забывать так скоро” напомнил сцену из “Травиаты”...» (Ведомости, 25.03.2010). Мастерство певицы эмоционально подчеркнуто оценочными суперлативами (*прекрасно, превосходно*), эпитетами (*ювелирно, свежо*). Метонимия, использованная далее, придает речи оттенок разговорности: «Во втором отделении нашлось место и **верхам, и большому оперному звуку**. ...Нетребко ...**выступила** в

паре с другой эффектной дамой – пианисткой Еленой Башкировой. Это было **свежо**, ансамбль **удался**, **хотя** аккомпанемент вещей вроде “День ли царит” **все же** требовал мужского стиля. Смыслом концерта стала **демонстрация всяческих достоинств артистки**». Завершается повествование моделируемым вопросом певицы и ответом слушателя, содержащим еще один комплимент в адрес певицы. «... **Каждым номером Анна Нетребко словно спрашивала нас: ну скажите, чего я еще не умею? Сказать было нечего**»(Ведомости, 25.03.2010). Оценку окрашивают эмоции удивления (*неожиданно*), восхищения (эта эмоциональная тональность формируется благодаря интенсивности использования средств выражения мелиоративной оценки).

При оценке пения эстетическое обретает точки пересечения с этическим⁸. Дело в том, что эстетическое наслаждение при восприятии вокального исполнения вызывают искренность и душевная теплота, отсутствие этих качеств заслуживает упрека: «Со стороны **могло показаться, что певица всей душой отдается исполнению**: но те, кто слышал Дессей летом, не могли ощутить разницу. **Живость и тепло** вносил ее партнер, Петр Бечала: он **пел**, как всегда, очень **искренно и задушевно**, так **переживал и страдал**, так **страстно любил**, что зал поверил ему – сразу и **безоговорочно**» (Невское время. 10. 10.2010). Чувство, вызванное исполнением, – доверие. Это подчеркнута с помощью конструкций с рядами попарно выстроенных однородных членов (*живость и тепло; искренно и задушевно; так переживал и страдал, так страстно любил*), оно подчеркнута парцелляцией.

Наконец, рассмотрим третью из числа выделенных речевых форм, в которой выражается **оценка музыкального сочинения**. Главная коммуникативная цель этой речевой формы – раскрыть и обосновать эстетическую оценку музыкального сочинения. Критериями эстетической оценки музыкального произведения выступают гармоничность и

содержательность формы, ответственность, общественно-культурный смысл. Такой речевой блок в рассматриваемом типе текстов может оказаться основой всей публикации, если информационным поводом служит появление музыкального сочинения. Он играет вспомогательную роль, если используется для сопоставления замысла композитора с исполнением произведения.

Смысловую структуру блока составляют следующие компоненты: 1. Описание музыкального произведения: а) с указанием на его название и автора – композитора, б) с выделением его частей, в) выделением свойств целого и частей; 2. Воспроизведение оценки музыкального произведения и ее интерпретации, что включает: а) маркирование знаков оценки выделенных свойств, б) анализ идейного замысла композитора и образной интерпретации формы, в) передачу эмоционального отклика, вызванного восприятием музыки.

Как уже было отмечено, стремление оценить исполнение музыкального произведения приводит к необходимости сравнить две стадии бытования музыкального произведения – композиторского замысла и его реализации. Следующий фрагмент, содержащий характеристику произведения, включен в общий ход изложения именно с такой целью: «...конечно, все-таки у Доницетти оркестр выписан **легче, прозрачнее, воздушнее**: на территории бельканто **примат вокала** должен быть **очевиден**. В “Лючии” оркестру поручена, как обычно, функция “большой гитары”. **Никакого особенного симфонического развития в опере нет. Хотя увертюра выписана эффектно и картинно**»(Невское время. 10.10.2010). На действия композитора по созданию произведения указывается прямо (*выписан*) или косвенно (*поручена функция*). Части, элементы произведения названы прямо (*увертюра*), метонимично (*оркестр выписан, оркестру поручена*) и метафорично (*территория бельканто*). Оценка передается указанием на то, какое впечатление от музыкального сочинения производят отдельные его

части, с помощью эпитетов, указывающих на образ действия: *оркестр выписан легче, прозрачнее, воздушнее; увертюра выписана эффектно и картинно*. В первом случае эпитеты построены в градационный ряд, в другом – попарно.

Оценка композиторского замысла не чуждается иронии: «По правде говоря, **эта популярная опера**, написанная по канве романа Вальтера Скотта, **рассчитана на любителя**. Для развитого музыкального вкуса **слишком уж предсказуемы и лапидарны гармонические обороты, слишком банальна фактура: бесконечные “ум-ца-ца” могут уморить кого угодно**. Но у широкой публики “Лючия...” пользуется огромной популярностью. И ничего удивительного. Музыка **простая, мелодичная, персонажи выписаны без затей и четко маркированы либо белой, либо черной краской. Сразу ясно, кто злодей, а кто – благородный герой. Как раз то, что нужно народу**» (Невское время. 10.10. 2010). Как видно из последнего фрагмента, оценка музыкального произведения строится как описание, через последовательность конструкций «Объект и его свойства», где объект – произведение, а свойства – особенности созданного композитором произведения.

Оценка композиторского замысла может передаваться в страдательной конструкции. Так в тексте, кроме композитора, появляется еще один активный субъект – слушатель, испытывающий на себе воздействие музыки и пытающийся описать его: «**Настроения, вызываемые созерцанием картин природы и сельского быта, воплощены в ярких мелодических образах<...>**». Отглагольные существительные передают особенности самого процесса создания музыки (в предыдущем предложении *созерцание*, в следующем *использование*): «Кроме того, в **использовании тембровых** возможностей оркестра и солирующей скрипки, в **смелых, порой невероятных современно звучащих гармониях** ощущается **присущая композитору неистощимая изобретательность и**

богатство творческой фантазии» (Час пик. 11–17.11.2009). Как видим, мастерство композитора журналист демонстрирует несколькими приемами. Во-первых, указывает на богатство музыкальных приемов, которые использует творец (для их обозначения используются музыковедческие термины *тембровые возможности оркестра и солирующей скрипки; гармонии*), во-вторых, дает оценку использованию приемов (эпитетами *современно звучащие, смелые, порой невероятные*). Наконец, характеризует самого композитора (с помощью определения, выраженного причастным оборотом, в котором указываются черты творца: *неистощимая изобретательность и богатство творческой фантазии*).

Подведем итоги. Чтобы помочь читателям «услышать» музыку, журналист «подключает» богатый арсенал выразительных ресурсов, описывая ее тембр, ритм, темп, высоту. Отражая особенности звучания музыки, автор соотносит его с определёнными ценностными стандартами – общепринятыми нормами, предыдущим опытом восприятия, сформировавшимся вкусовыми пристрастиями. Установление эстетической ценности музыкального события сопровождается интерпретацией, которая включает описание эмоционального отклика на событие: положительная оценка окрашивается чувствами восхищения, иногда восторга, и тогда звучит как комплимент или похвала. Отрицательная оценка звучит как упрек или недовольство.

Для эстетической оценки музыкального творчества в газете характерно сопряжение с другими видами частных оценок – этической, утилитарной, тем самым исполнение музыкального произведения признается эстетическим лишь в том случае, если оно обладает этическими началами – искренностью и душевной теплотой и эффективностью – воздейственностью.

Журналист, пишущий и говорящий о музыке, становится посредником между искусством и аудиторией, помогая ей познать и понять перипетии музыкального процесса. Конечно, специфика журналистского слова о музыке

состоит в том, что, рассчитанное на массовую аудиторию и ориентированное на информирующее воздействие неспециалиста, оно стремится к доступности и в чем-то упрощает музыкальные явления. В ежедневных газетах порою весьма поверхностно передается драма творческого процесса музыканта. Однако острая напряженность экспрессии, активный поиск новых и новых способов и приемов ее создания представляют для лингвиста несомненный интерес.

Считаю важным подчеркнуть высокую социальную значимость подобных речетворческих поисков журналистов. Эстетическая оценка музыкальных событий, основанная на утвердившихся в обществе культурных нормах и традициях, ориентирует и направляет читателя в его поисках своего пути к прекрасному. Вместе с тем она выступает инструментом сохранения традиционных культурных ценностей в обществе⁹.

¹Этика речевого поведения российского журналиста / Под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб, 2009.

² Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб, 2010.

³ Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб, 2001. С. 17.

⁴ См. об этом: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 215–218.

⁵ Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. СПб, 2000. С.59.

⁶ Под речевым блоком мы понимаем текстовую единицу – компонент композиционно-смысловой стороны журналистского текста, в котором отражаются регулярно повторяющиеся, частные типизированные коммуникативные информационно-оценочные действия.

⁷ Ср. с тем, как рассматривается выражение категории эстетической оценки в кн.: Пименова М.В. Красотой украси: эстетическая оценка в древнерусском тексте. СПб, 2007.

⁸ Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов / Логический анализ языка. Языки эстетики / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2007.

⁹ Дускаева Л.Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб, 2010. С. 30–33.

Л. Р. Дускаева

МЕДИАСТИЛИСТИКА В РОССИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: функциональный стиль, междисциплинарный метод, речевая системность, медиатекст, речевой жанр.

Key words: functional стиль, interdisciplinary method, speech system, speech genre

В статье представлена характеристика медиастилистического направления в российской лингвистике: его предмета, объекта, сложившихся исследовательских подходов и круг актуальных исследовательских задач.

The characteristic of media stylistic trend (it's subject, object, current research approach, range of research problems) in Russian linguistics is presented in this article.

В последнее время в исследовательских работах стал употребляться термин медиастилистика. Но при использовании термина необходимо определиться в его толковании. В статье попытаемся представить свое видение медиастилистического направления в российской лингвистике: его предмета, сложившихся исследовательских подходов и актуальных научных задач. В связи с этим обратимся к краткому экскурсу в истории развития лингвостилистических исследований средств массовой информации в России: чтобы понять новые задачи в научном познании, необходимо осмыслить и оценить пережитое.

Поворот лингвистических исследований от языка вообще к аспекту его функционирования, происшедший во второй половине XX в., знаменовался в нашей стране активным развитием функциональной стилистики. Основы этого направления были заложены в трудах В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, М.М.Бахтина, Л.П.Якубинского и членов Пражского лингвистического кружка и стимулированы дискуссией по вопросам

стилистики, проходившей на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1954-1955 гг.). В трудах 60-70 гг. М.Н.Кожинной, А.Н.Васильевой, Б.Н.Головина, В.Г.Костомарова, О.Б.Сиротининой, Г.Я.Солганика, а также К.Гаузенбласа, А.Едлички, М.Елинка, И.Крауса, Й. Мистрика сложилась функционально-стилистическая теория. Функциональная стилистика сформировалась как теория макростилей (термин А.Н.Васильевой). В качестве одного из основных утвердилось последовательно речеведческое понимание функционального стиля, который был определен как «своеобразный характер речи той или иной социальной разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемой особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, несущей определенную стилистическую окраску»¹.

Еще в 60-е годы была заявлена, а позже активно реализовывалась в исследованиях методологически важная мысль о необходимости для исследования речи проводить междисциплинарные комплексные исследования: «Такие проблемы, как «отражение» социального и психологического в речи, мышление и речь, экстралингвистические основы и причины возникновения разновидности речи и другие подобные им, являются центральными в функциональной стилистике. Поэтому плодотворное, перспективное решение этих вопросов во многом зависит от комплексного их исследования рядом наук: содружеством лингвистики с философией, социологией, эстетикой, литературоведением, психологией, физиологией и математикой»². Эта идея в функционально-стилистических изысканиях станет в последующие годы господствующей. В качестве предмета изучения в функциональной стилистике рассматриваются выразительные возможности и средства разных уровней языковой системы, их стилистические значения и окраски (называемые коннотациями). Но центральным предметом научного направления становятся закономерности

употребления языка в разных сферах и ситуациях общения и как результат этого – своеобразная организация речи, специфичная для каждой сферы³.

Среди функционально-стилистических исследований в 70-80-х гг. выделяются работы, посвященные публицистическому стилю – стилю средств массовой информации (в то время ими были периодические издания, радио и телевидение). Обратившись к определению специфики публицистической речи, стилисты указали на признаки ее речевой (а не языковой!) системности⁴. Речевая системность публицистики обусловлена действием конструктивных принципов чередования экспрессии и стандарта (В.Г.Костомаров) и социальной оценочности (Г.Я.Солганик), побудительности (А.Н.Васильева, М.Н.Кожина) как проявлении экспрессии. Такие конструктивные принципы имеют экстралингвистическую основу, поскольку обусловлены функциональным двуединством стиля – информирующе-воздействующим, а также особым – социальным – характером субъекта публицистической речи. В трудах исследователей этого периода определены базовые экстралингвистические факторы публицистического функционального стиля (А.Н.Васильева; М.Н.Кожина; И.П.Лысакова; Г.Я.Солганик), специфика отбора языковых (лексических⁵; грамматических⁶) средств, подчиняющегося указанным конструктивным принципам. В публицистическом стиле были выделены и описаны подстили⁷, социальные⁸ разновидности. На первом этапе функционально-стилистических исследований изучались дотекстовые разноуровневые единицы как компоненты, конституирующие текст.

В 80-х гг. началось изучение текстовой организации публицистической речи. Внимание исследователей переориентировалось, когда переключилось на собственно текстовые единицы и композицию⁹, сам же стиль стал описываться в аспекте текстовых¹⁰ категорий. Среди исследовательских задач, поставленных и решавшихся в это время, – изучение традиционных

жанровых разновидностей публицистического стиля как системы (Е.А.Иванчикова), а также отдельных жанров: заметки, репортажа (Г.Я.Солганик, В.В.Славкин), фельетона, очерка, памфлета (В.Н.Вакуров, Л.Г.Кайда, Н.Н.Кохтев, Т.И.Краснова) и стилевой специфики телевизионной (С.В.Светана) речи. Функциональная стилистика начинает взаимодействовать с другими научными дисциплинами речеведческого цикла – прагмалингвистикой (Ю.С.Степанов), психолингвистикой (А.А.Леонтьев, Ю.С.Сорокин, Е.А.Тарасов), социолингвистикой (Ю.Д.Дешериев, А.Д.Швейцер), лингвосоциопсихологией (Т.М.Дридзе), которые тоже обращаются к изучению употребления, функционирования языка в средствах массовой информации. Такое взаимодействие наук оказалось весьма продуктивным, поскольку позволило расширить представления о природе речевого воздействия в этой сфере, о способах достижения его эффективности. Справедлива оценка междисциплинарности В.Н.Базылевым: «При междисциплинарности подхода становится возможным увидеть новые объекты анализа, новые аспекты существования и функционирования изучаемых сущностей, а главное, новые возможности объяснения фиксируемых наблюдений и фактов»¹¹.

Социально-политические преобразования в стране конца 80-х – нач. 90-х гг. быстрее всего проявились именно в публицистическом стиле, связанном с политико-идеологической формой общественного сознания. Изменился стилистический облик публицистики, а следовательно и публицистического текста. Значительной трансформации подверглась традиционная жанровая система: ушла в прошлое передовая статья, на второй план отошли очерк и фельетон, зато на первый план вышли диалогические и информационные жанры. В журналистике получают развитие исследовательские жанры. Активизируются в русской публицистической речи устные формы стиля (в частности, митинговая речь). Формируется рекламный подстиль. В книжную речь буквально врывается разговорная струя, преобразуя во многом

традиционную архитектонику и композицию текстов, устраняя из нее прежнюю патетичность и декларативность, неаргументированную директивность, но многократно усиливая диалогический тонус высказывания. Формируются многочисленные новые жанровые структуры на «точках пересечения» с другими стилями, например дискуссии, переговоры, парламентские речи, дебаты.

В этот момент перед исследователями встала задача: не только зафиксировать, но и осмыслить происходящие изменения, чему посвящен большой круг лингвистических работⁱⁱⁱ. В трудах исследователей выявлены семантические преобразования в русской речи, выяснена специфика выражения социальной оценочности в условиях плюрализма изданий и программ, уточнена картина композиционно-текстовых преобразований в стиле, а также перестройка, вследствие преобразования информационной нормы стиля, стилистической тональности в освещении политических событий, определены также подступы к описанию стилистики новых типов изданий и программ и мн.др.

В 90-е годы широко заявляет о себе тенденция к пересмотру традиционного для лингвистики подхода к тексту как к целостной структуре с графически и семантически обозначенными границами начала и конца. В частности, в работе Э.А.Лазаревой показано, что текст – это не только отдельное речевое произведение, но и их совокупность в рамках газетной полосы и газетного номера. В работе подчеркивается, что «газетный номер, как и совокупность номеров, представляет собой континуум, составленный из взаимосвязанных частей – текстов публикаций»¹². При анализе стилистических особенностей исследователь пытается раскрыть действие конструктивных принципов публицистики не только в общем, но и в отдельном и наоборот, разрабатывая понятие стилистической концепции издания, в котором отражаются инвариантные стилистические особенности той или иной газеты. По мнению автора, эта концепция (модель)

формируется взаимодействием используемых в ней речевых и композиционных средств. Стилистическая концепция издания формируется тремя группами признаков – жанровыми, структурными и экспрессивными. Жанровая модель предполагает круг жанровых форм, используемых какой-либо газетой, и особенности текстов в аспекте жанрообразующих признаков. Структурные признаки стилистической концепции газеты содержат в себе характеристики построения полосы, подборки и отдельного текста. Анализ экспрессивных средств предполагается не только внутри отдельных текстов, но и внутри заголовочного комплекса¹³. Однако в этой работе стилистическая модель рассматривается в отрыве от двух других – содержательно-тематической и графической моделями периодического издания. Представляется, что анализ стилистики текста вне связи с содержательной, смысловой стороной сужает и ограничивает его. Между тем высказанная в работе идея интегративной стилистической взаимосвязи и взаимозависимости текстов внутри газетного номера оказалась безусловно продуктивной и перспективной.

Осмысляя итоги исследований языка массовой информации, проведенные в 90-е гг., хотелось бы отметить несколько обстоятельств. Во-первых, в исследованиях публицистического стиля этого периода были верифицированы основные функционально-стилистические идеи, высказанные в предшествующий период, и правильность этих идей была подтверждена. В частности, в это время утвердилось полное господство широкого междисциплинарного подхода к лингвистическим исследованиям в сфере средств массовой информации. К концу 90-х гг. наблюдения за тем, насколько глубоко отражается в языке СМИ социальная действительность, привели к бесспорному утверждению комплексного междисциплинарного подхода в качестве важнейшего принципа анализа публицистических текстов, что предполагает изучение их лингвистической стороны в тесном единстве с

политологическими, социологическими, психологическими, культурологическими сторонами функционирования средств массовой информацииⁱⁱⁱ. Результаты стилистических исследований демонстрируют последствия того, что в медиасистеме происходит: «Стилистический анализ как раз и состоит в выявлении того, в какой степени адекватно речевая ткань передает адресату содержание высказывания, цели и намерения говорящего (автора) и каким образом стиль речи помогает глубже проникнуть в содержание. В этом отношении экстралингвистический фактор, не являясь собственно языковым (и лингвистическим), тем не менее становится в известном смысле объектом исследования¹⁴. Распространение междисциплинарного подхода в лингвостилистических исследованиях масс-медиа привело к тому, что в них окончательно утвердился текстоцентрический речеведческий подход, а стилистика масс-медиа стала в полной мере частью системных медиаисследований.

Во-вторых, учеными было осознано, что язык средств массовой информации стал основной формой функционирования национального языка. Коренное преобразование массмедиа, происшедшее в постперестроечное время, привело к росту их влияния на духовную и культурную жизнь общества. Исследование языка СМИ превратилось в одно из наиболее перспективных научных направлений. Особенно активно такие исследования ведутся на лингвистических кафедрах факультетов журналистики страны, что вызвано практической потребностью в обучении будущих профессионалов осознанному использованию языка в речи. В связи с активизацией в нашей стране исследований языка средств массовой коммуникации стали говорить о становлении медиалингвистики¹⁵. Постепенно и в рамках функционально-стилистических исследований активное развитие получает направление, в центре которого – публицистический текст, теперь уже называемый медиатекстом¹⁶.

В центре медиастилистических исследований сегодня медиатекст в самых разнообразных его аспектах – в не исследованных прежде либо вновь появившихся вследствие перестройки медиасферы¹⁷, что свидетельствует о развитии в нашей стране медиастилистического направления функционально-стилистических исследований, в которых по-новому решаются старые и ставятся новые проблемы: о соотношении лингвистического и экстралингвистического в организации медиатекстов; об их социальной¹⁸ и жанровой¹⁹ типологии; о закономерностях развертывания и принципах построения медиатекстов, об их архитектонике и композиции²⁰; об их концептосфере²¹ – обо всех тех речевых свойствах медиатекста, которые способствуют эффективности воздействия. В последние годы интересные результаты дает анализ функционирования медиатекста под воздействием культурологических факторов²². Важным аспектом медиастилистических исследований стал во многом новаторский анализ русских рекламных текстов²³.

Исследователи справедливо отмечают: «Луч стилистических исследований все более фокусируется не на современной художественной литературе, а на языке газет, журналов, телевидения, радио и рекламы... «Однодневная» журналистика оказывается все более «вечной» по своему влиянию на умы людей, а следовательно, по тому месту, которое она занимает в формировании новой системы ценностей»²⁴. Ср. и другое высказывание: «по силе влияния на общество, на формирование языковых вкусов, языкового поведения, литературных норм язык СМИ не сравним ни с языком художественной литературы, ни с любым другим стилем. По самой своей природе, функциям, качествам язык СМИ выступает как фактор, объединяющий все слои, группы носителей языка»²⁵. Г.Я.Солганик приходит к закономерному выводу: «В конечном итоге язык СМИ становится главным фактором развития и национального, и литературного языка»²⁶. Все специалисты сходятся в одном: важнейшей особенностью в

современной культурно-речевой ситуации является то, что развитие стилистической системы русского языка происходит под знаком и под решающим воздействием медиаречи, поскольку для языкового сознания общества именно она воплощает представления о литературной и стилистической норме, о многих процессах, происходящих в настоящее время в национальном языке.

Сказанное свидетельствует о том, что изучение стилистической эффективности медиатекста осуществляется многоаспектно, с учетом его разноплановых характеристик, обусловленных иерархией экстралингвистических факторов, что подтверждает вывод о предмете современных функционально-стилистических исследований: «Функциональная стилистика в современном ее состоянии изучает своеобразие способов осуществления текстовой деятельности и типов речевых произведений в связи со спецификой тех видов социокультурной деятельности, в состав которых текстовая деятельность включается»²⁷.

Проанализируем основные подходы функционально-стилистического изучения медиатекста в исследованиях последних лет. Одно из актуальных – исследование публицистических речевых жанров, поскольку в средствах массовой информации 90-х гг. особенно «активно обновились жанровые стандарты»²⁸. Типологический подход представлен в работе²⁹, в которой жанровая концепция публицистических текстов создавалась с учетом методологических принципов, разработанных в функционально-стилистических исследованиях публицистического стиля: единства лингвистической и экстралингвистической сторон речи; связи публицистического стиля с политико-идеологической формой общественного сознания и соответствующей ей сферой общения; деятельностной трактовки функционального стиля речи и целеполагания в нем как детерминанты речевого своеобразия конкретного текста и группы текстов; системного подхода к анализу речевого материала³⁰.

В указанном исследовании анализ публицистических текстов был нацелен на изучение собственно динамики, текстообразования в сфере СМИ. В результате было обнаружено, что развертывание медиатекста происходит во взаимодействии смысловых позиций автора и адресата главным образом тремя способами, которые отражаются и структурируются в соответствующих диалогических единицах газетных текстов – циклах, отражающих особенности взаимодействия автора и читателя: ответы-сообщения корректируются для того, чтобы предупредить возможное непонимание каких-то фрагментов содержания текста; оценки аргументируются для того, чтобы предупредить возможное несогласие с ними читателя; наконец, побуждение к действиям обосновываются утверждением их значимости для социума. В живом и многообразном творческом процессе эти элементарные циклы (оценочные, вопросительные, побудительные) осложняются, переплетаются, наполняются новым содержанием и чередуются, благодаря чему происходит развитие содержания текста.

Выделение именно интерактивных текстовых единиц в качестве предмета анализа позволило определить особенности развертывания и отражения в речевой структуре газетного текста не только реального, непосредственного диалога (интервью), но и имплицитного, с прогнозируемой позицией читателя, и вскрыть социально ориентированную природу медийного творчества, состоящую в том, что иллокутивное вынуждение свойственно не только авторской позиции, но и прогнозируемой интерпретирующей деятельности адресата. Тем самым в работе было обосновано единство механизма речепорождения не только в монологических и диалогических, но и в межтекстовых единствах.

В работе было доказано, что диалогичность обладает жанроформирующим свойством, поскольку образование речевых жанров определяется информационными запросами и коммуникативными

интересами аудитории, которые учитывает автор. Типовой авторский замысел, лежащий в основе создания речевого жанра, с одной стороны, входит в структуру медийной деятельности, а с другой – под влиянием представлений автора о типовых информационных запросах аудитории вырабатывается как ответ на высказанное ранее суждение о предмете речи. Фактор адресата в медиатекстах проявляется в удовлетворении информационных запросов и приведении композиционно-тематических и стилистических свойств текста в соответствие с вариантами гипотез об информационных ожиданиях читателя.

Автором была предложена трехчленная классификация жанров (информационные, оценочные и побудительные) на основе тех творческих целеустановок взаимодействия журналиста и адресата, которые формируются в процессе осуществляемого журналистикой социального ориентирования. В исследовании была конкретизирована деятельностная трактовка публицистического стиля, поскольку представленная система жанров показала, какие типовые целеустановки и каким образом в политико-идеологической речевой сфере реализуются.

Далее, было установлено, что речевой жанр представлен типологической формой взаимодействия коммуникантов, а композиция жанра – речевым воплощением последовательности коммуникативных интеракций (субжанровых и элементарных циклов), воссоздающих объективную логику взаимодействия журналиста и жанровой гипотезы адресата³¹. Порядок расположения этих циклов воспроизводит образ действий, порядок отношений, способ достижения жанровой целеустановки. Тем самым в работе было продемонстрировано, что «вся текстовая ткань произведения представляет собой истинную системность, когда стилистические значимыми оказываются все языковые средства, задействованные в этой текстовой организации, но – что важно – не самим по себе, а в контексте, в единстве целого»³².

Структура РЖ была показана как последовательность поисково-речевых интеракций, совершаемых для достижения типовой коммуникативной целеустановки³³. Например, для выполнения типовой цели – рассказать о произошедшем событии – журналист совершает последовательность поисково-речевых действий (выясняя, кто действующие лица, когда, где и в какой последовательности все происходило). Следовательно, основой для формирования речевого жанра «Сообщение о событии» выступает специфический алгоритм поисково-речевых действий. Исследование показало, что свои алгоритмы познавательной-поисковой деятельности лежат в основе не только информационных, но и оценочных и побудительных жанров. Тем самым обнаружилась связь между поисково-исследовательской деятельностью журналиста (поскольку в структуре выделенных речевых жанров раскрыты типовые, стереотипные последовательности познавательных действий, осуществляемых при создании текстов в СМИ) и речевым воплощением жанра. Намеченный подход позволил ответить на целый ряд вопросов, возникающих при исследовании особенностей речевой деятельности журналиста: результатом каких коммуникативных и ценностных целеустановок эта деятельность является, каковы основные речевые формы вербализации свойственных этой деятельности когнитивных структур. Такой подход, с одной стороны, продемонстрировал реализацию в текстовой ткани не только «общего понятия цели» как типовой, свойственной медийной сфере общения³⁴ в целом, но и более частных коммуникативных целей автора в конкретных коммуникативных ситуациях. С другой стороны, предложенное направление анализа «подключило» стилистику медиатекста к активно развивающемуся сегодня когнитивному изучению языка СМИ. О плодотворности контактов когнитивной лингвистики и стилистики говорит В.Н.Базылев, который обосновывает это определенной общностью онтологических предпосылок и целей стилистического и лингвокогнитивного анализа³⁵.

Когнитивно-стилистические исследования развиваются и в целом ряде работ, предметом исследования которых становятся девиантные формы речевого поведения в СМИ³⁶. Исследования функционирования масс-медиа в 90-е гг. показали, что для достижения целей воздействия оказываются «все языковые средства хороши», в том числе те, использование которых нарушает этические нормы общения. Так встало две проблемы: одна – экстралингвистическая – проблема воздействия этических регуляторов на создание текста, а вместе с тем и вторая, собственно лингвистическая, – это проблема стилистического диагностирования лингвоэтических нарушений в языке СМИ: демагогии, агрессивности, скандальной эпатажности, фамильярности, пошлости³⁷. Наиболее последовательно лингвоэтическая проблематика раскрывается в работах Н.Д.Бессарабовой и Т.И.Суриковой, изучающих особенности концептуализации, фиксации и функционирования этических понятий и предписаний, а также стилистические проявления отступлений от этических норм³⁸. Думается, что когнитивно-стилистический подход перспективен и в других направлениях медиастилистических исследований, например при изучении имплицатур в речи, а также при исследовании гипертекста. Такой подход позволяет детализировать речевые механизмы информационного воздействия в медиасреде.

Внимание лингвистов к практике функционирования средств массовой информации заставляет исследователей в постановке лингвистических проблем идти не от лингвистических, а от экстралингвистических факторов. Одной из таких проблем стала задача функционально-типологического исследования медиатекстов активно развивающейся сферы досуга³⁹. Эта исследовательская задача потребовала уточнения прежних представлений об ориентации идеологического воздействия публицистического стиля. Идеологией современных российских СМИ становятся и просвещенное потребительство (Е.С.Кара-Мурза), и гедонизм (И.В.Анненкова), а значит усложняется функциональная направленность

медиа речи. В связи с этим одним из актуальных направлений стало стилистико-типологическое исследование просветительских и развлекательных публикаций, посвященных научным открытиям, культуре, моде, спорту, хобби, домашним занятиям и увлечениямⁱⁱⁱ. Предметом изучения в этом случае становятся закономерности создания и функционирования медиатекстов разных типов и жанров, обусловленные «обновившимся» комплексом экстралингвистических факторов.

Последующее углубление знаний о лингвистической природе медиатекста связано с вовлечением в анализ все большего числа неязыковых факторов, служащих причиной образования тех или иных лингвистических свойств. Важнейшим из таких факторов становится Интернет, в начале XXI в. активно вошедший в нашу жизнь, поставивший перед лингвистами вопросы о функционировании текста в гипертекстуальной среде. В этой среде начали создаваться те формы речи, которые прежде мы не знали и которые повлияли не только на литературный язык, но и на весь национальный язык. Интернет оказался такой речевой средой, в которой стала развиваться коммуникация принципиально нового типа, где размываются различия не только между монологом и диалогом, но и между устной формой и письменной, между официальным и неофициальным общением, между социально- и индивидуально ориентированным общением, причем эти качества характерны и для публицистических Web-текстов.

Уже на этапе первоначальных наблюдений за развертыванием информационного гипертекста стало ясно, что многое из известного о стилистике медиатекста, должно быть пересмотрено и переоценено. В отличие от линейного текста, развертывание гипертекста в Internet осуществляется интегративно – ступенчато: сначала заголовок, а далее либо весь текст, либо сначала компонент текста (субтекст) и только затем весь текст. Следовательно, содержание не выстроено для медиапользователя заранее в целостной форме и знакомство с материалами зависит от его

читательской активности. Хотя традиционная классическая композиция в таком тексте отсутствует, зато просматривается новая незавершающаяся гиперструктура, обладающая способностью к саморазвитию. Создатель такого «ступенчатого» текста должен выполнять ряд коммуникативных задач: а) стимулировать продвижение реципиента по гипертексту; б) сохранять интерес к предмету речи; в) продвигая по гипертексту, ориентировать в пространстве гипертекста. Последнее актуально и в связи с тем, что развертывание новости в Internet осуществляется не только ступенчато, но и вариативно. Гипертекст технически обеспечивает возможность поливекторности (разнонаправленности) информирования, т.е. выбора вариантов прочтения и логики осведомления множеством источников информации и разнообразием способов подачи информации – гиперссылок, фотографий, видео и аудиодемонстраций. Закономерно встает проблема исследования композиционно-стилистических особенностей медиатекста, способствующих адекватной передаче смыслов в этих условиях.

В последнее десятилетие специалисты, говоря о различиях между двумя терминами текстом и медиатекстом⁴⁰, в последнем выделяют важную черту – медийность, которую академик В.Г.Костомаров оценивает как одну из наиболее значимых характеристик: «Уже нынешнее поколение людей оказывается приученным к «тексту трех измерений», к получению информации в слиянии звука, речи, изображения...»⁴¹. И далее ученый констатирует: «Нынешняя эпоха ознаменовалась техническими изобретениями, позволяющими ...фиксировать, хранить, воспроизводить естественные устные тексты..., но уже без ограничений письменности, которая не способна воспроизводить звук, цвет, движение, всю культурную обстановку и может лишь компенсировать реальные акты общения вербальными описаниями». Отмеченные ученым новации позволяют ему заявить: «...Теперь, с появлением нового виртуального мира масс-медиа,

есть все предпосылки для сближения этих «языков» или, скорее, для создания особого масс-медийного «языка». В связи с этим делается вывод: «Все заметнее опираясь на внеязыковые формы передачи информации в весьма влиятельных текстах масс-медиа, а отчасти по их примеру и в других текстах, стилистика уже сегодня не может обойти это факт и должна расширить свой диапазон в перспективных исследованиях языкового существования (разрядка наша – Л.Д.)»⁴². Расширение диапазона «в перспективных исследованиях языкового существования» требует дальнейшей разработки методики стилистического анализа. Внимания исследователей ждет проблема креолизованного медийного произведения, которое «существует в нескольких ипостасях, в нескольких сферах, в нескольких средах – и в бумажном виде, и в звучащем, и в визуальном»⁴³. Другой чертой медийности называют открытость одного текста к другим, указывая на промежуточное положение всякого текста в медиасистеме⁴⁴ и на взаимодействие этих текстов не только уже на газетной полосе, а в общем континууме. В литературе ставится вопрос о типологии этого взаимодействия: возможно диалогическое взаимодополнение, полемика, соотнесение смысловых позиций, выраженных в тексте⁴⁵. Такое решение вопроса базируется на диалогической концепции М.М.Бахтина. Возможно тематическое сближение в сверткесте (термин Н.А.Купиной, Л.В.Битенской) гипертекста⁴⁶. Возможно интертекстуальное взаимодействие культурного и речевого опыта (М.Ю.Лотман, Ю.Кристева).

Для стилистического изучения медиатекста в его интегративной природе перспективно применение семиотических методик, в которых текст предстает как осмысленная последовательность любых знаков. Ср. с мнением Г.Я.Солганика, который отмечает, что при переносе в сферу масс-медиа традиционный текст «...приобретает расширительное толкование и — в итоге — выходит за пределы знаковой системы языка, приближаясь к семиотическому понятию»⁴⁷. Продуктивность такого подхода

продемонстрирована при анализе Интернет-коммуникации⁴⁸. Конечно, как методологические здесь могут быть использованы идеи семиотической стилистики М.Ю.Лотмана. В ряде работ намечаются подходы к разработке стилистического анализа креолизованного текста. Так, например, В.В.Варченко показывает, как визуальные компоненты – фотография, карикатура и шарж – дополняют и усиливают стилистический эффект подписей к ним, что, безусловно, приумножает воздействие газетного медиатекста⁴⁹. Е.С.Кара-Мурза, учитывая полисемиотичность рекламного текста, создаваемого средствами визуальной, звуковой семиотик, применяет такой подход к изучению стилистики рекламного текста. Лингвосемиотический подход позволяет анализировать совокупность разноприродных ресурсов означивания как единый язык, объединяя вербалику и невербалику⁵⁰. Попытка исследования типичных для медийной сферы общения смысловых оттенков у медийных добавок, дополняющих типовую смысловую структуру газеты, представлена в статье Л.Р.Дускаевой, Н.С.Цветовой⁵¹. Думается, что продолжение исследований в это направлении весьма перспективно.

Рассматривая пройденный публицистической стилистикой за последние десятилетия путь (бегло, с учетом объема статьи), анализируя задачи, возникающие перед наукой сегодня, и подходы, наметившиеся для их решения, мы приходим к выводу: в настоящее время оформилось ее новое – медиастилистическое – направление. Предметом его изучения является стилистико-речевая системность медиатекста, формально-смысловая структура которого определяется как вербальными, так и невербальными компонентами, не только внутритекстовыми, но и межтекстовыми факторами. Медиатекст при этом рассматривается как «образ текстовой деятельности»⁵², в котором проявляется структура профессиональной, поисково-речевой деятельности коммуникатора в медиасфере. Благодаря такому исследовательскому подходу выясняется, как выражаются в

концептосфере и в композиционно-речевых особенностях медиатекста механизмы информационного воздействия.

Медиастилистика опирается прежде всего на методологию функциональной стилистики, изучающей «речь в единстве с другими сущностными свойствами человека – его деятельностью и сознанием»⁵³. В связи с этим направление развивается в тесной связи с гносеологическими, деонтологическими, политологическими, социологическими, психологическими, праксиологическими, культурологическими исследованиями деятельности средств массовой информации, встраиваясь в общую систему этих научных дисциплин. Изменения условий в динамично развивающейся массовой коммуникации требует расширения и исследовательских горизонтов в стилистике: разработки новых методик, взаимодействия междисциплинарных подходов, что позволит анализировать медиатекст комплексно, во всей его сложной интегративной природе. Таким образом, именно функционально-стилистический подход, с его «концептуальным и методическим универсализмом»⁵⁴, может способствовать решению насущных исследовательских задач медиастилистики.

¹Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977. – С. 42.

² Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. М., 1966. - С. 13-14.

³ Кожина М.Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.

⁴Природа речевой системности иная: ее определяющим принципом является комплекс экстралингвистических факторов, который детерминирует выбор и организацию языковых и текстовых единиц и их взаимосвязи на тестовой плоскости (М.Н.Кожина). В.В.Одинцов отмечал, что именно благодаря тому что исследователь поставил перед собой цель установления факторов, предопределяющих употребление языковых средств, стилистика стала успешно развиваться (см.: Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980. - С. 16-17).

⁵Солганик, Г.Я. Введение // Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.

⁶Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. Л., 1975; Швец А.В. Публицистический стиль современного русского языка. Киев, 1979; Шалимова Г.С. Актуализация коммуникативных и экспрессивных средств синтаксиса современной газеты. Дис... канд. филол. наук. М., 1976.

⁷Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.

⁸ Лысакова И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981.

⁹ Одинцов В.В., Крылова О.А., Кожин А.Н. Функциональные типы речи. М., 1983; Кайда Л.Г. Стилистический облик памфлета // Вестник МГУ. Журналистика. № 1. 1984; она же Эффективность публицистического текста. М., 1989; Мамалыга А.И. Закономерности системно-структурной организации публицистического текста. Киев, 1987; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987. В 80-е гг. только намечаются комплексные функционально-стилистические исследования публицистических текстов. В полной мере они развернутся позже, в исследованиях постперестроечных СМИ.

¹⁰ Дускаева Л.Р. Диалогичность как функционально-стилистическая категория // Диалогичность газетных текстов 1980-1990 гг. Дис. ... канд. филол. н. Гл. 1. Пермь, 2005; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, 1990. Муравьева Н.В. Лингвистическое выражение связности газетной речи. Дис. канд. филол. наук. М., 1980; Солганик Г.Я. Текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория // Stylistyka, II. Opole. 1993.

¹¹ Базылев В.Н. Когнитивная стилистика (к определению статуса дисциплины) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005.

¹² Аргументация публицистического текста. Екатеринбург, 1992; Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1980-1990 гг. Дис. канд. филол. наук. Пермь, 1995; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике: Дис...доктора филол. наук. М., 1992; Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости): Дис. канд. филол. наук. М., 1992; Кара-Мурза Е.С. О бедной рекламе замолвите слово // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. М., 1997; Она же. Рекламный стиль и функционально-стилистическая дифференциация современного русского языка / Е. С. Кара-Мурза // Журналистика в 1999 году. Тезисы научно-практической конференции. Ч. 5. М., 2000. - с. 24-27; Клушина Н.И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995; Кожина М.Н., Дускаева, Л.Р. Лингвостилистические изменения в русской газете последнего десятилетия. Stylistyka, II. Opole, 1993; Коньков В.И. Речевая структура газетного текста. СПб., 1995; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; Майданова Л.М., Соболева Е.Г., Чепкина Э.В. Общественная концепция личности и жанрово-стилистические характеристики текстов в средствах массовой информации // Stylistyka, № 6. Opole, 1997; Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997; Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) // Журналистика и культура русской речи. Вып.1. М., 1996.

¹³ Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993. – С. 56.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Примечательно, что междисциплинарный подход стал ведущим и в теоретико-журналистских исследованиях. В эти годы развиваются философия, этика, гносеология, психология, политология, социология журналистики (средств массовой информации). Лингвистические изыскания, по существу, «встроились» в систему теоретико-журналистских и теоретико-коммуникативных исследований, благодаря чему стало возможным устанавливать причинно-следственные связи в общей картине функционирования русской речи в средствах массовой информации.

¹⁶ Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. - С. 41.

¹⁷ См. об этом, например, в раб.: Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М., 2005. Говоря о распространении термина медиалингвистика, М.Ю.Казак обращает внимание на продуктивность в современном русском научном терминологическом образовании элемента *медиа* и обнаруживает эволюцию его словообразовательной функции: «...активизация в русском языке заимствованного элемента *медиа* привела сначала к обретению им статуса свободного корня, а затем — по неограниченной активности его использования — приблизила, по существу, к статусу аффиксоидов, образующих незакрытый ряд однокоренных образований: медиа → медиатекст, медиасобытие, медиаструктура, медиаобстоятельства, медиаграмотность, медиакомпетентность, медийный, медиатизация и др. Все, что медиатизировано, вовлечено в сферу СМИ, может быть обозначено словом медиатекст (например, художественные фильмы, компьютерные игры)». Автор указывает на то, что «термин медиатекст приобрел в настоящее время статус базовой категории в *медиаологии, медиалингвистике, медиаобразовании* — новых направлениях лингвистической и педагогической науки». Определяя объем понятия медиатекст, М.Ю.Казак приходит к справедливому выводу: «По-видимому, свою объяснительную силу термин обретает при интерпретации его как совокупного продукта трех глобальных подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы» (Казак М.Ю. Медиатекст как открытый тип текста // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах*. М., 2010).

¹⁸ В некоторых работах в качестве предмета исследований называется не функциональный стиль, а дискурс. Однако эти два понятия хотя не тождественны, но очень близки. О близости этих понятий и о близости дискурсного и функционально-стилистического подхода писали М.Н.Кожина, Ю.С.Степанов.

¹⁹ **Солганик Г.Я.** Современная публицистическая картина мира // *Публицистика и информация в современном обществе*. М., 2000. Он же. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2005. № 2; Он же. О современной языковой ситуации // *Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах*. М., 2010; **Чепкина Э.В.** Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). Екатеринбург, 2001; *Публицистика и информация в современном обществе*. М., 2000;

Дроняева Т.С. Констатация факта (семантика и прагматика информационного текста) // Публицистика и информация в современном обществе. М. 2000; **Бессарабова Н.Д.** Оценка языка СМИ с точки зрения этических норм // Журналистика и культура русской речи. 2002, № 4; Она же. Лингвоэтические проблемы речи современных СМИ и рекламы. Пошлость в языковом выражении // Журналистика и культура русской речи. 2008, №4; Она же. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура речи. М., 2011. № 1; 2002-2011; **Сметанина С.И.** Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистике конца XX века). СПб., 2002; **Дускаева Л.Р.** Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; **Майданова Л.М., Соломатов С.И., Федотовских Т.Г., Чудинов А.П.** Слово и ключевые смыслы в медиатекстах. Екатеринбург, 2004; **Попова Т.И.** Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2004; **Костомаров В.Г.** Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М. 2005; Язык современной публицистики / Под ред. Г.Я.Солганика. М., 2005; **Майданова Л.М., Калганова С.О.** Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург, 2006; **Русская речь в СМИ** / Под ред. В.И.Конькова. СПб., 2007; **Светлана-Толстая С.В.** Русская речь в массмедийном пространстве. М., 2007; **Сурикова Т.И.** Этические проблемы языка массовых коммуникаций: молодежные СМИ, политическая и потребительская реклама // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 1; Она же. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007; Она же. Термин и концепт в политической рекламе и законодательном дискурсе и тактики манипулирования аудиторией // Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции. Пермь, 2010; Она же. Этика, закон и справедливость как концепты политического дискурса СМИ // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом, лингвокультурологическом аспектах. М., 2010; **Кара-Мурза Е.С.** Реклама: стиль, дискурс, жанр? // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 14. Пермь, 2010; Она же. Лингвосомиотика рекламы как речеведческая дисциплина // Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010; **Карпова Т.Б.** Доминанты языка Рунета // Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010.

²⁰ Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.

²¹ Донсков С.В. Сопоставительное исследование жанровых особенностей англоязычных и русскоязычных газетных текстов. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004, Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004; Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра. Автореф. дис. ...канд филол. наук. Томск, 2005.

²² Дускаева Л.Р. Указ. соч.; Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. М., 2005;

²³ Майданова Л.М., Соломатов С.И., Федотовских Т.Г., Чудинов А.П. Слово и ключевые смыслы в медиатекстах. Екатеринбург, 2004. Об анализе концептов как одном из направлений функционально-стилистических исследований текста см.: Баженова Е.А., Котурова М.П. Текст // Стилистический энциклопедический словарь. М., 530. Г.Я.Солганик рассматривает анализ ключевых слов (концептов) важнейшим аспектом функционально-стилистического исследования медиатекста. См. об этом: Солганик Г.Я. Общая характеристика современных СММ в сопоставлении с языком СМИ

предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007. - С. 15-39.

²⁴ Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистике конца XX века). СПб., 2002; Анненкова И.В. Дихотомия Культуры и Цивилизации // Мир русского слова. 2010. № 2; она же. Стратегия секуляризации в современном медиадискурсе // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 2010. № 5; она же. Об одной константе текстов СМИ: к постановке вопроса о риторической модальности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 5. 2009.

²⁵ Кара-Мурза С.В.; См. список работ в прим. 19.

²⁶ Анненкова И.В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) // Язык современной публицистики / Сост. Г. Я. Солганик. М., 2005. - С. 99.

²⁷ Солганик Г.Я. О современной языковой ситуации // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. М., 2010. - С. 266.

²⁸ Там же.

²⁹ Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. Автореф. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2002. – С. 5.

³⁰ Майданова Л.М. Газетно-публицистический стиль: Метаморфозы коммуникантов // Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н.А.Купина. Екатеринбург, 2000. – С. 83.

³¹ Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра. Автореф. дис. ... канд филол. наук. Томск, 2005; Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров...

³² Такой подход был намечен в трудах отечественных и чешских лингвистов 20-30 гг. XX столетия – М.М.Бахтина, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, Л.П.Якубинского, членов Пражского лингвистического кружка.

³³ Точнее сказать, гипотеза журналиста о жанровых ожиданиях или запросах адресата (читателя), но в литературе распространились номинации «концепция, гипотеза адресата» (Л.В. Хочунская), «жанровая модель адресата» (М.М.Бахтин), которыми мы пользуемся.

³⁴ Кожина М.Н. Стилистика и лингвосоциопсихология // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Стилистика научного текста (общие параметры). Том II. Часть 1. Пермь, 1996. - С. 29.

³⁵ В основе такой методики анализа лежит методика, разработанная в кн.: Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.

- ³⁶ Ср.: «Для стилистики актуально ...более широкое толкование термина «цель»: как типовые цели соответствующей сферы общения в отвлечении от конкретного речевого акта» (Кожина М.Н. Стилистика и лингвосоциопсихология. - С. 43).
- ³⁷ Базылев В.Н. Когнитивная стилистика (к определению статуса дисциплины) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005.- С. 15.
- ³⁸ Этика речевого поведения российского журналиста / Под ред. Л.Р.Дускаевой. СПб., 2009.
- ³⁹ Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997; Майданова Л.М., Соломатов С.И., Федотовских Т.Г., Чудинов А.П. Слово и ключевые смыслы в медиатекстах. Екатеринбург, 2004.
- ⁴⁰ Бессарабова Н.Д., Сурикова Т.И., см. список работ в прим.19.
- ⁴¹ Досуговая журналистика в России / Под ред. Л.Р.Дускаевой и В.И.Шароградского. СПб., 2009; Функционирование СМИ сферы досуга / Под ред. Л.Р.Дускаевой. СПб., 2010.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Напр.: Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2.
- ⁴⁴ Костомаров В.Г. Невербальные носители смысла и стилистики // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики / Сост. Г.Я. Солганик. М., 2005.
- ⁴⁷ Казак М.Ю. Медиатекст как открытый тип текста // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. М., 2010.
- ⁴⁸ См. прим. выше: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров.
- ⁴⁹ См.: Каблуков Е.В. Интернет-медиа: специфика конструирования сверхтекстов // Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010.
- ⁵⁰ Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. - С. 15.
- ⁵¹ Дедова О.В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста. Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 2006.
- ⁵² Варченко В.В. Медиатекст: вербальный и визуальный компонент // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 6 / Отв. ред. А.Г.Пастухов. Орел, 2008.
- ⁵³ Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотика рекламы как речеведческая дисциплина // Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010.

⁵⁴ Дускаева Л.Р., Цветова Н.С. Феноменология газетного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 15. Пермь, 2011.

⁵⁵ Кожина М.Н. Стилистика и лингвосоциопсихология // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Стилистика научного текста (общие параметры). Том II. Часть 1. Пермь, 1996. - С. 36.

⁵⁶ Салимовский В.А. Вклад М.Н.Кожиной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения // Stylistyka: Stylistyka i Kozhina. XIV. Opole. 2005. - С. 16.

⁵⁷ Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотика рекламы как речеведческая дисциплина // Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010.